
18+
Человек, который ждал
Роман о любви, которая оказалась сильнее времени, боли и самой жизни.
Ильвир Зайнуллин

Ильвир Зайнуллин

Человек, который ждал

«Издательские решения»

Зайнуллин И. И.

Человек, который ждал / И. И. Зайнуллин — «Издательские решения»,

Роман о любви, которая оказалась сильнее времени, боли и самой жизни. Это история о человеке, который не умел прощаться, о женщине, которая продолжала ждать, и о любви, способной освещать даже самуюбеспросветную тьму.

© Зайнуллин И. И.
© Издательские решения

Содержание

Введение 6
Глава 1. Женщина, которую он ждал двадцать семь лет 9
Глава 2. Письмо, которое не должно было существовать 18
Глава 3. Кафе «Север» 25
Глава 4. Фотография человека, которого там не было 46
ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ 59
ГЛАВА 6. ДОЧЬ ЖЕНЩИНЫ, КОТОРУЮ ОН НЕ СМОГ СПАСТИ 75
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Человек, который ждал

Ильвир Ирекович Зайнуллин

© Ильвир Ирекович Зайнуллин, 2026

ISBN 978-5-0071-5334-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Есть ли на свете любовь, которая способна пережить смерть? Можно ли продолжать любить человека, которого больше нет рядом? И что происходит с теми, кто отказывается смириться с потерей, потому что где-то глубоко внутри продолжает верить: однажды любимый человек вернётся?

У каждого из нас есть тот, кого мы боимся потерять. Мать, которая когда-то укрывала нас одеялом и шептала, что всё будет хорошо. Отец, чья рука казалась надёжнее любых стен. Ребёнок, ради которого мы готовы отдать всё на свете. Любимый человек, чьё присутствие однажды стало настолько привычным, что мы даже не задумывались, насколько хрупко наше счастье. Мы живём, строим планы, ссоримся из-за пустяков, откладываем важные слова на завтра и верим, что у нас ещё будет время. Но однажды наступает день, когда завтра больше не принадлежит нам.

И тогда остаётся память.

Мы бережём фотографии, перечитываем старые сообщения, мысленно возвращаемся к разговорам, которые когда-то казались обыкновенными. Нам хочется снова услышать знакомый голос, увидеть улыбку, прикоснуться к руке. Иногда мы готовы отдать всё, что у нас есть, лишь бы получить ещё одну минуту рядом с тем, кого любим. Не год. Не вечность. Всего одну минуту, чтобы сказать то, что не успели, попросить прощения, обнять покрепче и признаться: «Ты даже не представляешь, как сильно мне тебя не хватает».

Но что, если человек, которого мы потеряли, не исчезает бесследно? Что, если любовь оставляет после себя нечто большее, чем воспоминания? И что, если однажды кто-то действительно найдёт способ вернуть прошлое — хотя бы попытаться сделать это?

Именно с этой надежды начинается история Ильи.

Его жизнь становится дорогой в неизвестность, где привычный мир постепенно рассыпается на части. Воспоминания противоречат друг другу. Люди, которых он считал близкими, скрывают страшные тайны. В глубине исследовательского центра обнаруживается след эксперимента, способного изменить само представление о человеческой личности. И чем ближе Илья подходит к разгадке, тем сильнее сомневается в собственном прошлом, в окружающей реальности и даже в том, кем он является на самом деле.

Но за всеми загадками, тайными комнатами, исчезнувшими людьми и невероятными открытиями скрывается нечто гораздо более важное.

Любовь.

Любовь отца, который не смог смириться со смертью сына. Любовь человека, готового пройти через невозможное ради того, чтобы вернуть утраченное. Любовь женщины, которая продолжает ждать, даже когда надежда кажется безумием. И любовь ребёнка, который остаётся за закрытой дверью и верит, что однажды за ним всё-таки придут.

Каждый из них по-своему надеется победить время. Каждый ищет возможность исправить то, что уже произошло. Каждый верит, что где-то существует решение, которое позволит больше никогда не терять любимых.

Но имеет ли любовь право требовать невозможного? Можно ли спасти одного человека, не разрушив жизнь другого? И что страшнее: потерять того, кого любишь, или однажды обнаружить, что ради попытки его вернуть ты потерял самого себя?

Илье предстоит пройти через боль, сомнения, предательство и открытия, к которым невозможно подготовиться. Ему придётся усомниться в самых дорогих воспоминаниях, столкнуться с правдой, от которой захочется отвернуться, и сделать выбор, способный изменить всё. Но главная борьба развернётся не в лаборатории и не в запутанных коридорах исследова-

тельского центра. Она произойдёт внутри его самого — между отчаянием и верой, страхом и надеждой, желанием удержать прошлое и мужеством позволить жизни продолжаться.

Ведь иногда человек ждёт не потому, что не знает правды. Он ждёт, потому что правда слишком страшна. Иногда он продолжает верить не потому, что у него есть доказательства, а потому, что без этой веры ему кажется невозможным сделать следующий шаг. А иногда любовь становится единственной причиной, по которой человек способен выдержать то, что, казалось бы, невозможно пережить.

Эта книга — о тех, кто не умеет прощаться. О тех, кто хранит в сердце голоса ушедших и годами разговаривает с ними в тишине. О тех, кто продолжает накрывать на стол для человека, который больше не вернётся, мысленно рассказывает ему о прожитом дне и ловит себя на том, что всё ещё хочет поделиться с ним самой маленькой радостью.

Но прежде всего это книга о надежде.

О надежде, которая помогает подняться после самого страшного удара. О вере, которая не позволяет окончательно сдаться, даже когда все двери закрыты. О любви, которая не исчезает вместе с последним дыханием, потому что однажды став частью нашей жизни, она навсегда меняет нас. И о том удивительном мгновении, когда человек понимает: помнить — не значит быть пленником прошлого, а отпустить — не значит предать того, кого любишь.

Возможно, мы никогда не узнаем, что происходит за последней чертой. Возможно, время действительно нельзя повернуть вспять, а ушедших невозможно вернуть. Но пока мы живём, у нас остаётся возможность любить, просить прощения, говорить важные слова и беречь тех, кто всё ещё рядом. И, может быть, именно в этом заключается величайшее чудо, которое мы слишком часто не замечаем.

Перед вами роман о человеке, который слишком долго искал способ вернуть тех, кого потерял. О ребёнке, который ждал своего отца. О любви, прошедшей через страх, боль и годы одиночества. И о надежде, которая не позволила окончательно погаснуть даже там, где, казалось, уже не могло остаться ничего живого.

Возможно, во время чтения вы вспомните человека, которому давно хотели позвонить. Захотите обнять того, кто находится рядом. Или пожалеете, что когда-то не сказали несколько простых слов, которые теперь кажутся важнее всего на свете.

Если это произойдёт, значит, эта история уже стала чем-то большим, чем просто роман.

Потому что самое страшное в жизни — не всегда потерять любимого человека. Иногда страшнее прожить рядом с ним целую жизнь, так и не дав ему почувствовать, насколько сильно он был вам нужен.

А самое прекрасное — однажды понять, что любовь не измеряется количеством прожитых вместе лет, не зависит от расстояния и не требует доказательств. Она живёт в поступках, в памяти, в прощении, в тихом присутствии рядом и в той надежде, которая помогает нам снова открывать глаза по утрам.

И если у этой истории есть главный вопрос, то он звучит не так: можно ли победить время?

Он звучит иначе:

На что способен человек, который любит настолько сильно, что не может перестать ждать?

И что произойдёт, когда тот, кого он ждал, наконец вернётся?

Откройте первую страницу.

Возможно, эта история напомнит вам о самом важном человеке в вашей жизни.

И, возможно, поможет понять, что иногда самое большое чудо заключается не в том, чтобы вернуть ушедших, а в том, чтобы, несмотря ни на что, сохранить любовь — и найти в себе силы жить дальше.

Роман о любви, которая оказалась сильнее времени, боли и самой жизни

Глава 1. Женщина, которую он ждал двадцать семь лет

В тот день, когда Лиля умирала, Илья впервые за двадцать семь лет услышал от неё слова, о которых мечтал всю свою жизнь.

— Я ведь тоже тебя любила, Илья.

Она произнесла это едва слышно, почти беззвучно, и он не сразу понял смысл сказанного. За окном больничной палаты шёл снег. Крупные хлопья медленно опускались на крыши соседних домов, ложились на подоконники и исчезали под колёсами редких машин. В коридоре пахло лекарствами, мокрой одеждой и дешёвым кофе из автомата. Где-то за стеной плакал ребёнок, а медсестра торопливо катала тележку с инструментами. Обычная российская больница, обычный зимний день, обычная палата на четвёртом этаже. И только для Ильи весь мир в эту минуту перестал существовать.

Он сидел возле её кровати, сжимая холодную ладонь женщины, которую любил больше половины своей жизни. Лиля сильно изменилась. Некогда густые каштановые волосы почти полностью выпали, лицо осунулось, кожа стала прозрачной, а под закрытыми глазами пролегли глубокие тени. Ей было сорок пять, но сейчас она выглядела гораздо старше. Однако даже теперь, когда болезнь забрала у неё красоту, силы и способность самостоятельно подняться с постели, Илья видел перед собой ту самую девушку, которую впервые встретил двадцать семь лет назад на школьном крыльце. Он помнил её смех, её привычку прикусывать нижнюю губу, когда она о чём-то задумывалась, и то, как она отбрасывала волосы назад, если ветер бросал их ей в лицо. Он помнил даже мелочи, которые другие люди забывали через несколько минут после встречи. Но он никогда не слышал от неё того, что услышал сейчас.

— Что ты сказала? — прошептал он.

Лиля открыла глаза. Взгляд у неё был усталым, но удивительно ясным. Она смотрела прямо на него, словно впервые за долгие годы решилась увидеть не только его лицо, но и всё то, что скрывалось за ним.

— Ты слышал.

— Лиля, повтори.

Он произнёс это с такой беспомощной мольбой, что она едва заметно улыбнулась. Илья никогда не просил её ни о чём подобном. За двадцать семь лет он научился не требовать, не давить, не задавать вопросов, на которые она не хотела отвечать. Он умел приходить, когда она звонила, и исчезать, когда она просила оставить её в покое. Умел слушать рассказы о мужчинах, которых она любила, помогать ей переживать расставания и поздравлять с событиями, после которых ему хотелось запереться в комнате и больше никогда не выходить на улицу. Он научился быть рядом, не становясь необходимым. Но сейчас впервые в жизни он хотел потребовать от неё хотя бы одного: повторить эти слова, чтобы они остались с ним не только в памяти, но и в мире, где всё ещё существовали доказательства того, что его любовь не была совершенно напрасной.

— Я любила тебя, Илья, — повторила Лиля. — Не так, как ты меня. Наверное, никогда не так. Но любила.

Он опустил голову и прижал её руку ко лбу. Его плечи задрожали. Он не плакал на похоронах отца, не плакал, когда несколько лет назад потерял работу, не плакал, когда врачи сообщили, что лечение Лили больше не приносит ожидаемого результата. Он вообще почти разучился плакать. За годы ожидания он привык прятать боль так глубоко, что порой сам переставал её замечать. Но сейчас слёзы текли по его лицу, падали на белую простыню и исчезали в ткани, словно даже они не могли оставить следа в этом мире.

— Почему ты не сказала мне этого раньше? — спросил он.

Лиля отвернулась к окну.

Долгое время она молчала. Илья ждал ответа, боясь пошевелиться, словно любое движение могло разрушить хрупкое мгновение, которого он ждал всю жизнь.

— Потому что тогда я бы осталась, — наконец произнесла она.

Он поднял голову.

— Что значит осталась?

Лиля закрыла глаза. Её дыхание стало неровным. Илья потянулся к кнопке вызова медсестры, но она с неожиданной силой сжала его пальцы.

— Не надо. Послушай меня. У нас мало времени.

— У нас будет время. Слышишь? Я найду врачей, мы попробуем другое лечение. Я продам квартиру, уедем в Москву, в Петербург, куда угодно. Есть клиники, есть новые препараты. Ты только не сдавайся, Лиля. Пожалуйста, не сдавайся.

Он говорил быстро, сбивчиво, хватаясь за слова, как утопающий за обломки разбитой лодки. Он знал, что врачи уже сделали всё возможное. Знал, что деньги не способны купить человеку бесконечное время. Знал, что Лиля сама попросила не продолжать мучительные процедуры, которые больше не помогали. Но признать это означало согласиться с тем, что впереди существует жизнь, в которой её не будет. А такой жизни он не умел даже представить.

— Илья, — тихо сказала она. — Ты ведь всегда надеялся.

— Конечно, надеялся.

— Даже когда я выходила замуж?

Он замер.

За окном медленно темнело. В соседнем здании зажглись первые окна, и в одном из них мелькнула фигура женщины, накрывавшей на стол. Кто-то возвращался домой после работы, кто-то покупал хлеб в ближайшем магазине, кто-то ругался с близкими по телефону. Миллионы людей продолжали жить, не подозревая, что в маленькой палате российской больницы мужчина наконец получил признание, ради которого отдал бы всё, что у него было.

— Даже тогда, — ответил он.

Лиля закрыла лицо свободной рукой.

— Господи, какой же ты был глупый.

— Возможно.

— Почему ты не возненавидел меня?

Илья долго смотрел на неё. Ему хотелось сказать, что ненавидел. Что проклинал её имя, что однажды ночью разбил фотографию, на которой они стояли рядом, что пытался забыть её сотни раз. Ему хотелось рассказать, как мучительно было видеть её счастливой с другим человеком, как он учился улыбаться, когда внутри всё кричало от боли, и как однажды чуть не уехал из страны только потому, что больше не мог случайно встречать её на улицах родного города. Но всё это было правдой лишь наполовину. Он действительно страдал, действительно пытался забыть, действительно иногда ненавидел собственную слабость. Однако ненависть к Лиле так и не стала сильнее желания знать, что она жива, здорова и хотя бы иногда улыбается.

— Я пробовал, — сказал он. — Но у меня не получилось.

Лиля заплакала. Беззвучно, почти незаметно, как плачут люди, у которых больше нет сил даже на слёзы. Илья осторожно вытер её щёку салфеткой, поправил одеяло и по привычке проверил, не холодные ли у неё ноги. Он делал это с тех пор, как она впервые заболела, хотя тогда болезнь казалась чем-то временным, неприятным, но преодолимым. Он привозил ей лекарства, покупал продукты, сидел в коридорах медицинских учреждений, разговаривал с врачами и возвращался домой только тогда, когда она засыпала. Её муж приезжал реже. Дочь жила в другом городе и не всегда могла вырваться с работы. Илья никогда никому не говорил, что именно он проводил с Лилей больше всего времени. Он не считал это подвигом. Для него это было так же естественно, как дышать.

— Я должна тебе кое-что рассказать, — сказала Лиля.

— Всё, что захочешь.

— Нет. Ты должен узнать правду. Всю правду, Илья. Даже если после неё ты больше никогда не сможешь меня простить.

Он почувствовал, как внутри поднимается тревога.

— Что ты имеешь в виду?

Лиля посмотрела на дверь, словно боялась, что кто-то может войти и помешать ей. Потом снова повернулась к нему.

— Помнишь день, когда я уехала из города?

Илья помнил его так отчётливо, будто всё произошло вчера. Он помнил серое августовское утро, запах бензина возле автовокзала, её красный шарф и собственные руки, которые никак не могли перестать дрожать. Помнил, как она стояла перед ним с маленьким чемоданом и говорила, что должна уехать, что так будет лучше для всех, что он обязательно встретит хорошую девушку и однажды поймёт, почему всё сложилось именно так. Помнил, как хотел схватить её за руку, попросить остаться, предложить уехать вместе. Но вместо этого спросил, когда она вернётся.

Она ответила: «Не знаю».

И ушла.

— Конечно, помню, — сказал Илья.

— Я тогда не собиралась уезжать.

Он медленно отпустил её руку.

— Что?

— Я хотела остаться с тобой.

В палате стало так тихо, что он услышал, как за стеной кто-то включил воду.

Илья смотрел на Лилю и не мог произнести ни слова. Двадцать семь лет он жил с убеждением, что она никогда не любила его по-настоящему. Он считал себя человеком, которому не повезло встретить женщину, ставшую смыслом его жизни, но не сумевшую ответить ему взаимностью. Он объяснял её поступки молодостью, обстоятельствами, собственными ошибками, даже дурным характером. Он находил тысячи причин, которые помогали ему продолжать жить, не задавая главного вопроса: а что, если однажды всё могло сложиться иначе?

Теперь Лиля говорила, что хотела остаться.

— Почему же ты уехала? — наконец спросил он.

Она закрыла глаза.

— Потому что твой отец пришёл ко мне за день до отъезда.

Илья почувствовал, как холодеют пальцы.

— Мой отец умер двадцать семь лет назад.

— Я знаю.

— Он никогда не говорил мне, что встречался с тобой.

— Он и не должен был говорить.

Лиля попыталась приподняться, и Илья помог ей устроиться удобнее. Она тяжело дышала, словно даже несколько фраз отнимали у неё последние силы.

— Он пришёл ко мне домой вечером, — продолжила она. — Твоя мама была на работе. Мы сидели на кухне. Он принёс конверт с деньгами и сказал, что я должна уехать. Что ты не сможешь построить со мной нормальную жизнь. Что у тебя есть способности, что ты можешь стать хорошим инженером, что впереди у тебя большое будущее. А я, по его словам, стану для тебя обузой.

— Не может быть.

— Он говорил, что ты сам этого пока не понимаешь. Что через несколько лет будешь благодарен ему за то, что он вмешался. А потом сказал, что если я действительно тебя люблю, то должна исчезнуть из твоей жизни.

Илья встал. Он отошёл к окну, провёл ладонью по лицу и попытался вдохнуть полной грудью. Отец был для него человеком, который никогда не позволял себе пустых обещаний. Строгим, молчаливым, порой суровым, но справедливым. Именно он научил сына отвечать за свои поступки, не бросать начатое и помогать тем, кто оказался в беде. Илья помнил, как отец работал на заводе, возвращался домой уставшим, но всё равно находил силы починить соседке кран или помочь знакомому с ремонтом машины. Он помнил его руки, пахнущие машинным маслом, его негромкий голос и привычку по воскресеньям долго сидеть за столом с газетой. Он любил отца. И никогда не сомневался, что тот любил его.

Но теперь женщина, которую Илья любил всю жизнь, говорила, что именно отец разрушил их возможное счастье.

— Почему ты не рассказала мне? — спросил он, не оборачиваясь.

— Он запретил.

— Запретил? Тебе было восемнадцать лет! Как он мог тебе запретить?

— Он сказал, что ты можешь потерять всё. Что если я останусь, он сделает так, чтобы ты не смог поступить в институт, что тебя заберут в армию, что он найдёт способ заставить тебя отказаться от меня. Я не знала, способен ли он на это. Но я видела, как сильно ты его любишь. И боялась, что однажды тебе придётся выбирать между мной и семьёй.

— Ты могла хотя бы поговорить со мной!

— Могла.

Она не стала оправдываться.

И именно это признание причинило ему больше боли, чем всё остальное. Лиля не пыталась представить себя героиней трагедии, которая пожертвовала любовью ради чужого счастья. Она знала, что могла поступить иначе. Могла рассказать правду, могла остаться, могла довериться Илье и позволить ему самому решить, какой жизнью он хочет жить. Но тогда она испугалась. Испугалась чужой власти, будущего, бедности, ответственности за человека, который любил её сильнее, чем она сама понимала.

— Я была трусихой, — прошептала она. — И мне понадобилось двадцать семь лет, чтобы признаться себе в этом.

Илья вернулся к кровати.

— А потом? Когда ты узнала, что я не женился? Когда узнала, что я всё ещё рядом? Почему тогда не сказала правду?

Лиля посмотрела на него с такой болью, что он невольно отступил.

— Потому что тогда я уже была замужем.

— Ты могла развестись.

— Могла.

— Ты могла прийти ко мне.

— Могла.

— Ты могла хотя бы однажды спросить, жду ли я тебя!

— Я знала, что ждёшь.

Он замолчал.

Лиля заплакала сильнее.

— Вот этого я и боялась, Илья. Не того, что ты меня разлюбишь. Я боялась, что ты никогда не разлюбишь. Что я буду жить своей жизнью, а ты будешь стоять на одном месте и смотреть, как она проходит мимо тебя. Я надеялась, что ты встретишь другую женщину. Что однажды полюбишь её, женишься, заведёшь детей. Я даже молилась об этом. Понимаешь? Я просила Бога, чтобы ты перестал меня любить.

Илья медленно опустился на стул.

Всю свою жизнь он считал, что его любовь была тайной, которую он вынужден был скрывать от женщины, не желавшей её замечать. Теперь выяснялось, что Лиля знала. Она знала о

его чувствах, знала о его ожидании, знала, что он не сможет легко забыть её, и именно поэтому пыталась оттолкнуть его ещё дальше.

Но он всё равно оставался.

И в этом было нечто страшное.

— Ты могла просто сказать мне, что не любишь меня, — произнёс он.

— Я говорила.

— Ты говорила, что любишь меня как друга. Что я тебе дорог. Что я должен жить дальше. Ты никогда не говорила, что тоже любила меня.

Лиля отвернулась.

— Потому что не хотела давать тебе надежду.

Илья горько усмехнулся.

— А теперь даёшь?

Она снова посмотрела на него.

— Теперь я умираю. И впервые в жизни мне нечего терять.

Он хотел возразить, хотел сказать, что она не умирает, что они ещё поговорят, что впереди будут новые дни, новые лекарства, новые попытки. Но слова застряли в горле. Он видел её лицо. Видел, как тяжело ей дышать, как дрожат пальцы, как она иногда закрывает глаза не потому, что хочет уснуть, а потому, что больше не может выдерживать боль.

Илья понял, что Лиля не просит его спасти её.

Она просит позволить ей наконец рассказать правду.

— Есть ещё кое-что, — сказала она.

Он взял её за руку.

— Я слушаю.

— После того как я уехала, твой отец приходил ко мне ещё раз. Через несколько месяцев. Он сказал, что ты собираешься жениться.

Илья нахмурился.

— Я никогда не собирался жениться в восемнадцать лет.

— Я знаю. Теперь знаю. Но тогда он сказал, что ты встретил девушку, что у вас всё серьёзно, что ты сам попросил его передать мне, чтобы я больше никогда не возвращалась. Он даже показал мне фотографию.

Илья побледнел.

— Какую фотографию?

— На ней ты стоял рядом с какой-то девушкой. Вы были возле института. Ты улыбался. Я не знала, кто она. Он сказал, что это твоя будущая жена.

Илья закрыл глаза.

Он вспомнил ту фотографию. Снимок сделали на первом курсе, во время студенческого праздника. Рядом с ним стояла однокурсница, которая попросила сфотографироваться на память. Он почти забыл об этом эпизоде, как забывают сотни случайных моментов своей молодости. Но отец, оказывается, сохранил фотографию и показал её Лиле, превратив обычный снимок в доказательство того, что Илья якобы начал новую жизнь.

— Он сказал тебе, что я счастлив?

— Да.

— Что я забыл тебя?

— Да.

Илья отвернулся к окну.

Снег продолжал падать. На улице горели фонари, и в их свете хлопья казались золотистыми. Внизу женщина в длинном пуховике торопливо вела за руку маленького мальчика. Тот остановился возле сугроба, попытался слепить снежок, но мать потянула его дальше. Ребёнок обернулся, посмотрел на снег и побежал за ней.

Илья подумал, что жизнь удивительным образом продолжает двигаться даже тогда, когда в тебе самом всё остановилось.

— Значит, всё это время ты думала, что я тебя забыл? — спросил он.

— Я старалась так думать.

— Но ты знала, что я не женился.

— Знала.

— Знала, что я помогал тебе, когда ты болела.

— Знала.

— Знала, что я приезжал к тебе после рождения дочери, когда твой муж был в командировке, потому что ты боялась оставаться одна.

— Знала, Илья.

— Тогда почему ты ни разу не спросила меня, что я чувствую?

Лиля долго молчала.

— Потому что однажды я поняла: если спрошу, ты ответишь правду. А если услышу эту правду, мне придётся что-то решать. Я не была готова разрушить свою жизнь. Не была готова причинить боль мужу, дочери, тебе. И каждый раз, когда собиралась поговорить с тобой, находила причину отложить разговор. Сначала думала, что ещё не время. Потом решила, что уже слишком поздно. А потом привыкла жить так, словно всё давно решено.

Илья смотрел на неё и чувствовал, как в его душе поднимается нечто, чего он не испытывал даже в самые тяжёлые годы.

Это не была ненависть.

Ненависть требовала сил, желания наказать, стремления заставить другого человека страдать так же сильно, как страдал ты сам. Но у Ильи не было ни сил, ни желания. Перед ним лежала женщина, которая совершила ошибки, причинила ему боль и теперь, возможно, уже никогда не сможет исправить последствия собственных решений.

Он мог обвинить её.

Мог сказать, что она украла у него двадцать семь лет, хотя никто не заставлял его ждать. Мог напомнить, что он тоже имел право на счастье, на семью, на детей, на человека, который выбрал бы его без колебаний. Мог спросить, почему она позволяла ему оставаться рядом, когда знала, что каждое её несчастье будет для него поводом снова надеяться.

Но он посмотрел на её исхудавшее лицо и понял, что сейчас не способен причинить ей ещё одну боль.

— Я не знаю, что мне делать с этой правдой, Лиля, — сказал он.

Она едва заметно улыбнулась.

— Ничего не делай. Просто знай её.

— А если бы всё можно было изменить?

Лиля закрыла глаза.

— Не спрашивай меня об этом.

— Почему?

— Потому что я всю жизнь задавала себе этот вопрос. И каждый раз представляла, что могла бы остаться. Что мы могли бы пожениться, построить твой дом с огромными окнами, завести детей. Что я встречала бы тебя вечером, когда ты возвращался с работы, а ты рассказывал бы мне о своих проектах. Что по воскресеньям мы ездили бы к морю, а зимой вместе украшали ёлку. Я представляла это так часто, что иногда просыпалась и несколько секунд не понимала, где нахожусь. Мне казалось, что ты спишь рядом. Что я могу протянуть руку и коснуться твоего лица.

Она открыла глаза.

— Но потом я вспоминала, что сама выбрала другую жизнь.

Илья почувствовал, как к горлу подступает ком.

Он тоже представлял их совместную жизнь. Только никогда не позволял себе думать об этом слишком подробно. Он боялся, что мечты станут заменой реальности, что однажды он перестанет замечать настоящих людей вокруг себя и окончательно поселится в мире, которого никогда не существовало. Но иногда, особенно в самые одинокие ночи, он всё же представлял, как Лиля входит в его квартиру, снимает пальто, ставит на стол пакет с продуктами и сердито спрашивает, почему он опять забыл купить хлеб. Он представлял её стареющей рядом с ним, с седыми волосами, морщинками у глаз и привычкой засыпать во время фильма. Представлял их ссоры, примирения, болезни, совместные поездки и тихие вечера, когда не нужно говорить ничего особенного, потому что само присутствие другого человека уже делает жизнь полной.

Он мечтал не о вечной страсти.

Он мечтал о том, чтобы однажды стать для неё домом.

Но этого не случилось.

— Лиля, — произнёс он, — я должен тебе кое-что сказать.

Она повернула голову.

— Что?

Илья взял её руку обеими ладонями.

— Я не жалею.

— О чём?

— О том, что любил тебя.

Лиля закрыла глаза, и по её щеке медленно скатилась слеза.

— А я жалею, — прошептала она. — Не о том, что не смогла полюбить тебя так, как ты хотел. Чувства нельзя заставить. Я жалею, что испугалась. Что позволила другим решать за меня. Что слишком долго молчала. И что теперь, когда наконец поняла, насколько много ты для меня значил, у меня почти не осталось времени.

Илья хотел сказать, что она всегда много значила для него, что он любил её не за красоту, не за молодость и не за надежду однажды получить взаимность. Он любил её потому, что именно рядом с ней впервые почувствовал, насколько огромным может быть человеческое сердце. Потому, что её радость делала его счастливым, даже когда он не имел к ней никакого отношения. Потому, что он не мог научиться считать её чужой, хотя она принадлежала другому человеку. Потому, что любовь давно перестала быть для него ожиданием награды и стала частью его самого.

Но он не произнёс этих слов.

Вместо этого он наклонился и осторожно поцеловал её руку.

— Я здесь, Лиля.

Она посмотрела на него.

— Знаю.

— И я никуда не уйду.

Впервые за весь вечер её лицо стало спокойным.

Она закрыла глаза и почти сразу уснула. Илья продолжал сидеть рядом, не отпуская её ладони. Он боялся пошевелиться, боялся позвать медсестру, боялся даже смотреть на часы. Ему казалось, что если он останется совершенно неподвижным, время тоже остановится, и у них появится ещё несколько минут, которых не хватило им в молодости.

Но время не остановилось.

Через некоторое время в палату вошла медсестра, проверила показатели на мониторе и тихо попросила Илью выйти в коридор. Он отказался. Она повторила просьбу, объяснив, что необходимо провести процедуру, и он нехотя поднялся. Перед тем как выйти, Илья наклонился к Лиле и прошептал, что скоро вернётся.

Она не ответила.

В коридоре он сел на пластиковый стул возле окна. Внизу, у входа в больницу, курили двое мужчин в рабочих куртках. У одного звонил телефон. Он долго искал его в карманах, наконец достал, ответил и рассмеялся чему-то, что услышал в трубке. Илья смотрел на него и думал о том, что этот незнакомый человек, возможно, тоже когда-нибудь потеряет кого-то, кого любит. Что однажды ему тоже придётся сидеть в больничном коридоре и ждать новостей, которые могут разделить его жизнь на две части: до и после.

Он достал телефон и открыл список контактов.

В нём всё ещё был номер Лилиной дочери, Анны. Илья набрал сообщение: «Лиля хочет тебя видеть. Приезжай как можно скорее».

Потом убрал телефон и закрыл лицо ладонями.

Он не знал, сколько прошло времени, когда дверь палаты снова открылась. На пороге стоял молодой врач. Он посмотрел на Илью, затем на бумаги в руках и тихо сказал:

— Илья Сергеевич?

Илья поднялся.

— Да.

Врач помолчал.

— Вам нужно пройти со мной.

— Что случилось?

— Пожалуйста.

Илья посмотрел на открытую дверь палаты. Ему показалось, что он слышит голос Лили, зовущий его по имени. Он сделал шаг вперёд, но врач осторожно коснулся его плеча.

— Илья Сергеевич, нам очень жаль.

В этот момент он понял, что всю жизнь боялся услышать именно эти слова.

Но самое страшное произошло позже.

Когда Илья вернулся в палату, Лиля уже не дышала. Её лицо стало удивительно спокойным, словно она наконец перестала бояться чего-то, что мучило её долгие годы. На тумбочке возле кровати лежал маленький конверт. На нём неровным почерком было написано его имя.

«Илье. Прочитать после моей смерти».

Он долго смотрел на конверт, не решаясь прикоснуться к нему.

Потом осторожно вскрыл его.

Внутри лежал лист бумаги и старая фотография, надорванная пополам. На фотографии молодые Илья и Лиля стояли возле школьного крыльца. Он смотрел на неё, а она смотрела в объектив. На обороте было написано несколько слов:

«Если бы я тогда осталась, ты никогда не узнал бы, что произошло с твоим отцом».

Илья перечитал фразу несколько раз.

Потом перевернул лист бумаги.

Там было всего одно предложение.

«Твой отец не умер случайно».

В палате стало тихо.

За окном продолжал идти снег. В коридоре кто-то негромко разговаривал, медсестра закрыла дверь соседней палаты, а внизу снова завёлся автомобиль. Мир жил своей обычной жизнью, словно ничего не произошло.

Илья стоял возле кровати женщины, которую любил двадцать семь лет, и понимал, что только что потерял её навсегда.

Но вместе с ней он потерял и последнюю возможность узнать правду из её собственных уст.

Он медленно опустился на стул, сжал в руке письмо и заплакал.

Впервые за много лет он плакал не потому, что Лиля не выбрала его.

Он плакал потому, что теперь, когда она наконец рассказала ему правду, у него больше не было возможности спросить, что ещё она скрывала.

А за стенами больницы начиналась ночь, в которой ему предстояло узнать, что иногда самая страшная тайна человеческой жизни скрывается не в том, кого мы любим, а в том, чем готовы пожертвовать ради этой любви.

Илья ещё не знал, что через три дня, на похоронах Лили, к нему подойдёт незнакомая женщина и назовёт имя человека, которого он не видел двадцать семь лет.

Человека, который, согласно всем документам, умер в августе того самого года, когда Лиля уехала из города.

Именно тогда история его безответной любви начнётся заново.

Только теперь у него не останется ни надежды на взаимность, ни возможности вернуть прошлое.

Останется лишь правда.

И обещание, которое он даст мёртвой женщине.

Он узнает, что произошло в ту ночь.

Даже если правда уничтожит всё, во что он верил.

Глава 2. Письмо, которое не должно было существовать

На похоронах Лили шёл дождь, хотя всю ночь метеорологи обещали снег. Небо над небольшим российским городом затянуло тяжёлыми серыми облаками, ветер гнал по кладбищу мокрые листья, а между могилами стояли лужи, в которых отражались чёрные зонты. Люди переминались с ноги на ногу, прятали лица от ветра и старались поскорее закончить прощание. Кто-то тихо плакал, кто-то вспоминал Лилю добрыми словами, кто-то смотрел на часы, думая о делах, которые придётся отложить из-за чужой смерти. Илья стоял возле гроба без зонта. Вода стекала по его седым вискам, пропитывала воротник чёрного пальто и капала с подбородка, но он словно не замечал холода. Он смотрел на закрытую крышку гроба и думал о том, что ещё неделю назад Лиля была жива. Ещё неделю назад он мог позвонить ей, услышать её голос, спросить, как она себя чувствует, предложить привезти продукты или лекарства. Ещё неделю назад у него была возможность сказать ей всё, что он носил в сердце двадцать семь лет. Теперь у него остались только воспоминания, несколько фотографий и письмо, которое он перечитывал всю ночь, пытаясь понять, почему женщина, умирая, решила открыть тайну, связанную с его отцом.

Рядом с могилой стояла Анна, Лилина дочь. Ей было двадцать четыре года, и внешне она напоминала мать в молодости: те же каштановые волосы, тот же изгиб бровей, та же привычка сжимать губы, когда она старалась сдержать слёзы. Однако характер у Анны был совсем другим. Она не любила говорить о чувствах, редко просила о помощи и привыкла решать проблемы самостоятельно. После окончания университета она переехала в Санкт-Петербург, устроилась в архитектурное бюро и приезжала к матери не так часто, как хотелось бы им обеим. Илья никогда не осуждал её за это. Он понимал, что молодые люди должны жить собственной жизнью, а не проводить всё время возле больничных палат. Но теперь, глядя на девушку, стоявшую возле гроба, он видел не только дочь Лили. Он видел ребёнка, который больше никогда не услышит материнского голоса, не сможет позвонить ей посреди ночи, чтобы спросить совета, не получит случайного сообщения с напоминанием надеть тёплый шарф. Илья знал, что никакие слова не способны облегчить такую потерю. Поэтому он просто стоял рядом.

Когда священник закончил молитву, Анна шагнула к гробу и положила на крышку маленькую белую розу. Затем наклонилась, что-то прошептала матери и отступила. Илья не слышал её слов, но заметил, как девушка закрыла глаза и прижала пальцы к губам. Он вспомнил, как много лет назад Лиля рассказывала ему о рождении дочери. Тогда она позвонила поздним вечером и говорила так быстро, что он едва успевал понимать её. Она смеялась, плакала, рассказывала о крошечных пальцах, о смешном носике, о том, как девочка впервые открыла глаза. Илья слушал её из своей пустой квартиры, сидя на кухне возле остывшего чайника. Он был счастлив, потому что Лиля была счастлива. И одновременно чувствовал такую боль, что после разговора долго не мог подняться со стула. В ту ночь он впервые понял, что безответная любовь может причинять страдания даже тогда, когда в жизни любимого человека происходит что-то прекрасное. Ты искренне радуешься за него, желаешь ему добра и при этом переживаешь собственную маленькую катастрофу, о которой никто никогда не узнает.

Когда гроб опустили в землю, Илья бросил вслед за другими горсть влажной земли. Она ударилась о крышку глухим звуком, и он вздрогнул. Ему вдруг показалось, что он слышит голос Лили: «Илюша, не грусти. Всё когда-нибудь проходит». Она говорила так много лет назад, когда он впервые признался ей в любви и получил отказ. Тогда она сидела рядом с ним на скамейке возле старого городского парка, нервно теребила край рукава и старалась подобрать слова, которые не причинят ему слишком сильной боли. Она сказала, что он замечательный

человек, что дорожит их дружбой, что не хочет потерять его, но не может ответить на его чувства. Илья слушал её, глядя на дорожку, по которой проходили незнакомые люди. Он хотел сказать, что не просит её немедленно полюбить его, что готов ждать, что однажды она обязательно поймёт. Но тогда он ещё не знал, насколько долгим окажется это ожидание. Он не знал, что через двадцать семь лет будет стоять у её могилы и вспоминать тот разговор с такой ясностью, словно он произошёл вчера.

Люди начали расходиться. Родственники Лили обнимали Анну, говорили слова соболезнования, обещали звонить и помогать. Несколько соседок вспоминали, какой заботливой хозяйкой была покойная, как умела печь пироги и как однажды зимой спасла бездомного котёнка, которого дети нашли возле подъезда. Илья слушал эти разговоры и понимал, что каждый человек хранит свою Лилю. Для одних она была матерью, для других женой, для третьих подругой или соседкой. Каждый знал какую-то её часть, и никто не мог увидеть её целиком. Никто, кроме, возможно, него, не знал, как она смеялась, когда нервничала, как прикусывала губу перед трудным разговором, как иногда замолкала посреди фразы, потому что внезапно вспоминала что-то неприятное. Но даже он, проживший рядом с ней почти всю жизнь, не знал главного. Почему она уехала. Что произошло с его отцом. И почему спустя столько лет решила открыть ему правду, когда сама уже не могла рассказать её до конца.

— Илья Сергеевич?

Он обернулся. Перед ним стояла незнакомая женщина лет пятидесяти пяти. На ней было тёмно-синее пальто, на голове — чёрный платок. Она держала в руках небольшой букет белых хризантем, а её лицо казалось удивительно знакомым, хотя Илья не мог вспомнить, где видел его раньше. Женщина смотрела на него внимательно, почти испытующе, словно пыталась убедиться, что перед ней действительно тот человек, которого она искала.

— Да, — ответил он.

— Меня зовут Вера Николаевна. Я знала вашу мать.

Илья нахмурился.

— Мою мать?

— И вашего отца тоже.

Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. За последние дни он слишком часто слышал упоминания о людях, которых давно не было в живых. Сначала Лиля, затем её письмо, теперь незнакомая женщина, которая утверждала, что знала его родителей.

— Простите, но я вас не помню.

— Это неудивительно. Вы были совсем молодым, когда мы виделись в последний раз.

— Когда?

Вера Николаевна посмотрела на свежую могилу.

— В августе девяносто девятого года. За несколько дней до смерти вашего отца.

Илья почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он медленно опустил взгляд на мокрую траву, словно пытался найти там опору. Август девяносто девятого. Он помнил тот месяц до мельчайших подробностей. Помнил душную квартиру, в которой отец лежал после сердечного приступа. Помнил запах лекарств, тревожные разговоры матери с врачами и собственную беспомощность. Помнил, как отец несколько дней жаловался на слабость, но отказывался ехать в больницу, утверждая, что всё пройдёт. А потом однажды ночью ему стало хуже. Скорая приехала быстро, но спасти его не удалось. Врачи сказали, что причиной смерти стала острая сердечная недостаточность. Илья тогда не сомневался в их словах. Отец много работал, почти не отдыхал, курил и редко обращал внимание на собственное здоровье. Его смерть была страшной, но понятной. Теперь всё это начинало рушиться.

— Что вы хотите сказать? — спросил Илья.

Вера Николаевна оглянулась. На кладбище оставалось несколько человек, но никто не обращал на них внимания. Анна разговаривала с родственницей возле автомобиля, а двое мужчин в тёмных костюмах помогали пожилой женщине спуститься по скользкой дорожке.

— Не здесь, — сказала Вера Николаевна. — Нам нужно поговорить в другом месте.

— О чём?

— О вашем отце. И о том, что произошло перед его смертью.

Илья посмотрел на неё долгим взглядом.

— Если вы знаете что-то о его смерти, вы должны были рассказать об этом двадцать семь лет назад.

— Я знаю.

— Тогда почему молчали?

Вера Николаевна опустила голову. Несколько секунд она стояла неподвижно, сжимая букет так сильно, что стебли хризантем хрустнули в её пальцах.

— Потому что боялась, — ответила она. — И потому что мне сказали, что если я открою рот, пострадают люди, которых я люблю.

Илья почувствовал, как внутри него поднимается глухая ярость. Он устал от чужих страхов, чужих решений и чужих секретов. Всю жизнь он расплачивался за поступки, о которых даже не знал. Его отец, возможно, вмешался в судьбу Лили, сама Лиля скрыла от него правду, а теперь какая-то незнакомая женщина собиралась рассказать, что смерть его отца тоже была связана с тайной, которую все предпочли похоронить вместе с ним.

— Кто вам угрожал? — спросил он.

Вера Николаевна посмотрела ему прямо в глаза.

— Ваш отец.

Илья отступил на шаг.

— Что?

— Он был не тем человеком, каким вы его помните.

Эти слова прозвучали тихо, почти безразлично, но Илья почувствовал их так, словно его ударили в грудь. Он хотел немедленно потребовать объяснений, заставить женщину рассказать всё, что она знает, но в этот момент возле них появилась Анна.

— Илья Сергеевич, вы знакомы?

Вера Николаевна мгновенно изменилась в лице. Ещё секунду назад она казалась уставшей женщиной, которая слишком долго носила в себе тяжёлую тайну. Теперь её взгляд стал настороженным, а губы сжались в тонкую линию.

— Мы старые знакомые, — ответила она.

Анна посмотрела сначала на неё, затем на Илью.

— Мама никогда не рассказывала мне о вас.

— Возможно, у вашей мамы были причины не рассказывать, — произнесла Вера Николаевна.

— Какие причины?

Женщина не ответила. Она поправила воротник пальто, посмотрела на часы и направилась к выходу с кладбища.

— Подождите! — окликнул её Илья. — Мы не закончили разговор.

Вера Николаевна остановилась, но не обернулась.

— Завтра, в шесть вечера. Кафе «Север» на улице Ленина. Приходите один.

— Почему один?

Она медленно повернула голову.

— Потому что ваша мать не должна узнать, что я с вами встречалась.

Илья замер.

— Моя мать умерла десять лет назад.

На лице Веры Николаевны появилось выражение, которое он никогда не забудет. Это был не испуг и не удивление. Скорее, внезапное осознание того, что она допустила ошибку, которую уже невозможно исправить.

— Господи, — прошептала она. — Значит, я слишком долго молчала.

Затем она быстро пошла к воротам кладбища и исчезла за поворотом дорожки.

Илья остался стоять под дождём. Он смотрел ей вслед и чувствовал, как прошлое, которое он считал давно похороненным, поднимается из могилы. В голове возникали десятки вопросов, но все они упирались в одно: что на самом деле произошло в августе девяносто девятого года? Почему отец запретил Лиле оставаться рядом с ним? Что связывало его родителей с этой незнакомой женщиной? И почему Лиля решила рассказать правду только перед смертью?

— Илья Сергеевич, — тихо позвала Анна.

Он обернулся.

Девушка смотрела на него с тревогой. В её руках был небольшой пакет с вещами матери, который медсестра передала после смерти Лили. Из пакета торчал край старого шерстяного шарфа, того самого красного шарфа, который Лиля носила в молодости и который Илья помнил с их последней встречи на автовокзале.

— Вы ведь знали маму лучше всех, — сказала Анна. — Она перед смертью говорила что-нибудь странное? Может быть, просила вас что-то сделать?

Илья посмотрел на неё. Он мог бы рассказать о письме, о признании, о тайне, которую Лиля открыла ему за несколько часов до смерти. Но он не знал, какую роль во всём этом играла её дочь. Не знал, что Анна слышала от матери, что ей рассказывали о прошлом и почему она сама никогда не задавала вопросов о человеке, который столько лет оставался рядом с её семьёй.

— Она просила меня узнать правду, — ответил он.

Анна побледнела.

— Какую правду?

Илья хотел сказать, что пока не знает. Но девушка вдруг схватила его за рукав.

— Она тоже говорила об отце.

Он медленно повернулся к ней.

— О каком отце?

— О вашем. За два дня до смерти мама позвала меня к себе и попросила найти старую фотографию. Сказала, что на ней человек, который разрушил несколько жизней. Я подумала, что она говорит о своём муже. Но когда нашла фотографию, увидела там вашего отца.

Анна достала из сумки небольшой конверт и протянула Илье. Бумага была пожелтевшей, углы потемнели от времени. На лицевой стороне почерком Лили было написано: «Анне. Если со мной что-нибудь случится».

— Я не открывала его, — сказала девушка. — Мама просила передать вам, если она не сможет сама всё объяснить.

Илья взял конверт. Его пальцы дрожали.

— Ты знала, что она больна.

— Конечно.

— Но не знала, что она собирается рассказать мне?

Анна покачала головой.

— Она сказала только, что вы должны узнать правду. И что, если я действительно люблю её, то не стану мешать вам искать ответы.

Илья долго смотрел на конверт. Потом осторожно убрал его во внутренний карман пальто.

— Спасибо, Аня.

Девушка опустила голову.

— Можно я вас кое о чём попрошу?

— Конечно.

— Не исчезайте из моей жизни так же, как исчезли из маминой.

Эти слова ударили его сильнее, чем он ожидал. Он посмотрел на Анну и вдруг увидел в ней не только дочь Лили, но и человека, который тоже потерял слишком много. Она лишилась матери, не успев узнать её до конца. Она не знала всей истории, не понимала, почему взрослые люди столько лет скрывали правду, и теперь пыталась найти опору в единственном человеке, которому мать доверила свои последние слова.

— Я никуда не исчезну, — сказал Илья.

Он произнёс это искренне. Но в глубине души уже понимал, что прежней жизни больше не будет. Впервые за двадцать семь лет он собирался не просто ждать, надеяться и молчать. Он собирался действовать. И если для этого придётся узнать о собственном отце то, чего он никогда не хотел знать, он всё равно пойдёт до конца.

Вечером Илья вернулся домой, снял мокрое пальто и долго стоял в прихожей, не включая свет. Квартира встретила его привычной тишиной. На полке лежали ключи, на столе стояла чашка, которую он утром забыл убрать, а возле окна темнел силуэт старого кресла, в котором он любил читать по вечерам. Всё было на своих местах, но ему казалось, что он вернулся в чужой дом. Он прошёл на кухню, включил свет и достал из кармана два конверта. Один оставила Лиля. Другой передала Анна. Он положил их рядом, долго смотрел на одинаково пожелтевшую бумагу и вдруг заметил, что на обоих конвертах стоит одна и та же дата: двадцать третье августа тысяча девятьсот девяносто девятого года.

Илья медленно сел.

Эта дата была днём смерти его отца.

Он вскрыл второй конверт. Внутри лежал небольшой лист бумаги, сложенный вчетверо, и фотография, которую он уже видел на кладбище. На снимке были изображены трое: его отец, молодая Лиля и незнакомый мужчина в светлой рубашке. Отец стоял посередине, положив руку Лиле на плечо. Она смотрела куда-то в сторону, а незнакомец, напротив, глядел прямо в объектив. На обороте было написано: «Мы думали, что сможем всё исправить. Но один из нас уже тогда знал, чем это закончится».

Илья перевернул лист бумаги и начал читать.

«Илья, если ты читаешь это письмо, значит, я не успела рассказать тебе правду. Я не знаю, как ты отнесёшься к тому, что узнаешь. Возможно, ты возненавидишь меня. Возможно, никогда не простишь. Но я больше не могу позволить тебе жить с мыслью, что твой отец был человеком, который просто хотел защитить тебя от несчастной любви. Он действительно хотел защитить тебя. Но не только тебя. В ту ночь, когда он пришёл ко мне, он уже знал, что произошло. Он знал, кто виноват в смерти человека, которого ты считал своим другом. И он знал, что если я останусь рядом с тобой, правда однажды откроется».

Илья перечитал письмо несколько раз. Потом посмотрел на фотографию и снова вернулся к последним строкам.

«Я молчала не потому, что не любила тебя. Я молчала, потому что боялась, что, узнав правду, ты повторишь его судьбу. Я думала, что спасаю тебя. Но, возможно, именно моё молчание и стало причиной всего, что произошло потом».

Под письмом стояла подпись Лили и ещё одна фраза, написанная другим почерком, более крупным и резким:

«Если хочешь узнать, кто убил твоего отца, найди человека, который был на этой фотографии. Его зовут Сергей Белов. И он всё ещё жив».

Илья медленно опустил лист бумаги.

Сергей Белов.

Он знал это имя.

Он знал этого человека.

Сергей был отцом Максима Белова — того самого парня, которого Лиля выбрала вместо него двадцать семь лет назад.

Илья долго сидел неподвижно, пока за окном не погасли последние огни соседнего дома. Потом достал телефон, нашёл старый номер, который хранил в записной книжке с университетских времён, и набрал его.

Гудки звучали долго.

Наконец на другом конце ответил мужской голос.

— Слушаю.

Илья узнал его сразу.

Это был голос человека, которого он не слышал двадцать семь лет.

— Сергей Белов? — спросил он.

На другом конце повисла тишина.

— Кто спрашивает?

— Илья Воронов.

В трубке послышался короткий, тяжёлый вдох.

— Откуда у тебя этот номер?

— Это неважно. Нам нужно поговорить.

— О чём?

Илья посмотрел на фотографию, лежавшую перед ним на столе.

— О моём отце.

Снова тишина.

Потом Сергей произнёс фразу, от которой у Ильи похолодели руки:

— Значит, Лиля всё-таки рассказала тебе правду.

Илья сжал телефон.

— Какую правду?

Но Сергей уже отключился.

Илья остался сидеть в тёмной кухне, слушая короткие гудки. Он понимал, что теперь всё изменилось. Его любовь к Лиле больше не была только историей о несчастной судьбе, о потерянной молодости и несбывшихся мечтах. Она оказалась связана с тайной, которая могла разрушить представление Ильи о собственной семье, о человеке, которого он всю жизнь считал примером честности, и о событиях, определивших судьбы нескольких людей.

Он посмотрел на часы.

Было без двадцати двенадцать.

Илья убрал фотографию в ящик стола, положил письма в папку и впервые за много лет не стал пытаться заснуть. Он знал, что утром позвонит Анне, потом поедет на старый адрес Сергея Белова и потребует объяснений. Он не знал, что услышит в ответ, но больше не мог оставаться в неведении.

А где-то в другом конце города Сергей Белов стоял у окна своего кабинета и смотрел на телефон, лежавший на столе. На стене за его спиной висела старая фотография в деревянной рамке. На ней были трое молодых людей: он сам, Лиля и Илья. Снимок был сделан летом тысяча девятьсот девяносто девятого года, за несколько недель до смерти отца Ильи.

Сергей снял фотографию со стены, долго смотрел на неё, затем открыл нижний ящик стола и достал оттуда небольшой металлический футляр. Внутри лежал старый ключ, пожелтевший конверт и записка, написанная рукой человека, который давно умер.

Сергей прочитал её ещё раз.

Потом достал телефон и набрал номер.

— Он знает, — сказал он, когда на другом конце ответили. — Лиля всё-таки рассказала ему.

Собеседник долго молчал.

— Тогда у нас осталось мало времени, — наконец произнёс он.

Сергей закрыл глаза.

— Я знаю.

— Ты понимаешь, что произойдёт, если он узнает всё?

— Понимаю.

— Тогда сделай то, что должен был сделать двадцать семь лет назад.

Связь оборвалась.

Сергей ещё долго сидел в темноте, сжимая в руке старую записку. Потом поднялся, подошёл к сейфу и набрал код, который не менял с августа тысяча девятьсот девяносто девятого года.

Внутри лежала папка с надписью: «Илья Воронов. Август 1999».

Сергей открыл её и вынул первый документ.

Это была копия медицинского заключения о смерти отца Ильи.

На последней странице стояла подпись врача, который официально подтвердил естественную причину смерти.

Но рядом с подписью красным карандашом было написано:

«Заключение составлено по указанию. Настоящая причина смерти скрыта».

Сергей медленно закрыл папку.

Он знал, что Илья придёт.

И знал, что на этот раз уже никто не сможет заставить его молчать.

Потому что двадцать семь лет назад они совершили ошибку, которую считали необходимой ради любви.

Но любовь, ради которой люди лгут, рано или поздно требует расплаты.

И эта расплата наконец нашла дорогу к их дверям.

Глава 3. Кафе «Север»

В тот вечер Илья впервые за двадцать семь лет понял, что прошлое не осталось позади. Оно просто ждало, когда он станет достаточно старым, чтобы устать бояться, достаточно одиноким, чтобы потерять осторожность, и достаточно несчастным, чтобы уже не дорожить собственной безопасностью.

Встреча с Верой Николаевной была назначена на шесть вечера. До этого времени оставалось почти пять часов, и Илья собирался использовать их для того, чтобы разобраться в письмах Лили, но вместо этого он несколько раз перечитал одни и те же строки, каждый раз надеясь обнаружить в них то, чего не заметил прежде. Он раскладывал фотографии на столе, переворачивал их, подносил к окну, всматривался в лица людей, которые когда-то стояли рядом, улыбались объективу и, возможно, ещё верили, что способны управлять собственной судьбой. На одной фотографии его отец выглядел непривычно молодым, почти мальчишкой. Илья всегда помнил его серьёзным человеком с тяжёлым взглядом, человеком, который не позволял себе лишних слов и считал, что любовь к семье выражается прежде всего в строгости, дисциплине и готовности принимать решения за других. На фотографии же отец улыбался. Не дежурно, не снисходительно, как улыбался гостям или коллегам, а по-настоящему, словно в тот день его не тревожило ничего на свете.

Илья не мог вспомнить, когда видел такую улыбку в последний раз.

Ему было двадцать четыре года, когда отца не стало. Тогда Илья уже окончил институт, работал в проектной организации, собирался жениться и был уверен, что наконец-то начинает жить самостоятельно. Отец никогда не одобрял его отношения с Лилей, но после её отъезда они почти не возвращались к этой теме. Иногда Илье казалось, что отец даже испытывает облегчение, словно исчезновение девушки, которую сын любил до безумия, избавило всю семью от какой-то давней неприятности. Когда Илья однажды спросил, не знает ли отец, где теперь Лиля, тот ответил, что некоторые люди уходят из нашей жизни именно тогда, когда это необходимо, и что взрослый мужчина должен уметь принимать подобные вещи без истерик.

Тогда Илья ударил кулаком по столу и впервые в жизни наговорил отцу такого, о чём потом долго жалел. Он обвинял его в холодности, в желании распоряжаться чужими судьбами, в неспособности понять, что любовь нельзя заменить карьерой, деньгами или благополучием. Отец выслушал его молча. Лишь перед тем, как выйти из комнаты, произнёс:

— Когда-нибудь ты поймёшь, что я пытался тебя спасти.

Илья запомнил эти слова, но никогда не придавал им особого значения. После смерти отца они казались ему обычной попыткой оправдать старую жестокость. Теперь же они звучали иначе. В них появилась угроза, которой Илья раньше не слышал.

Он достал телефон и снова посмотрел на номер Сергея Белова. После короткого разговора с этим человеком прошло меньше часа, но Илье казалось, будто он уже давно находится внутри чужой, тщательно подготовленной ловушки. Сергей не спросил, откуда у него номер. Не стал удивляться тому, что сын человека, которого он знал почти тридцать лет, внезапно решил поговорить о прошлом. Он лишь произнёс имя Лили и сразу понял, зачем Илья звонит. Это было самое страшное. Не признание, не угроза и даже не внезапное исчезновение Сергея после нескольких секунд разговора, а его уверенность в том, что однажды этот звонок должен был состояться.

Кто-то ждал его.

Илья попытался дозвониться ещё раз. Телефон Сергея был выключен. Он набрал номер Анны, но не стал сразу говорить о звонке. Девушка ответила не с первого раза. На заднем плане слышались приглушённые голоса, шум транспорта и звук закрывающейся двери. Анна, вероятно, возвращалась домой или выходила из какого-то здания.

— Вы нашли что-нибудь? — спросила она вместо приветствия.

Илья посмотрел на конверт, лежавший перед ним.

— Пока больше вопросов, чем ответов. Ты знаешь, кто такой Сергей Белов?

На другом конце повисла тишина.

— Мама называла эту фамилию, — наконец ответила Анна. — Но очень редко. Я думала, это кто-то из её старых знакомых. Когда я была маленькой, она иногда просыпалась ночью и долго сидела на кухне. Я выходила к ней, спрашивала, почему она не спит, а она отвечала, что вспомнила человека, которому не смогла помочь. Я думала, она говорит о ком-то из родственников. Потом однажды спросила прямо, и мама разозлилась. Не накричала, нет. Она вообще редко повышала голос. Просто посмотрела на меня так, словно я случайно открыла дверь в комнату, куда мне нельзя было входить.

— Она говорила имя Сергея?

— Однажды. Я запомнила, потому что после этого она заставила меня поклясться, что я никогда не буду искать людей из её прошлого. Сказала, что некоторые истории нельзя исправить, а попытка исправить их может разрушить тех, кто ещё остался жив.

Илья прикрыл глаза. Именно так говорила Лиля. Даже перед смертью она продолжала верить, что молчание способно кого-то защитить. Она прожила целую жизнь, неся в себе правду, которую боялась произнести, и теперь, когда её не стало, эта правда начала выходить наружу, словно вода, долго сдерживаемая треснувшей плотиной.

— Анна, я должен узнать, что случилось с моим отцом.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Я тоже не понимал. Двадцать семь лет я думал, что Лиля просто выбрала другого человека. Я злился на неё, иногда ненавидел себя за то, что продолжал любить, пытался построить другую жизнь. Я убеждал себя, что она была счастлива без меня. А теперь выясняется, что мой отец вмешался в её жизнь, что Сергей Белов знает причину его смерти, что какие-то люди скрывали правду почти тридцать лет. И всё это время я жил так, будто ничего не произошло.

— Мама не хотела, чтобы вы страдали.

— А я страдал, Анна. Каждый год. Каждый день, когда видел женщину, похожую на неё. Каждый раз, когда слышал её имя. Я не говорю, что она была обязана вернуться. Она имела право выбрать другую жизнь. Но я имел право знать, почему она ушла.

Анна долго молчала. Илья уже решил, что разговор окончен, когда услышал её тихий голос:

— Она вас не забыла.

Он замер.

— Что ты сказала?

— Мама не забыла вас. Я не знаю, что именно между вами произошло, и не знаю, почему она не вернулась. Но однажды, когда мне было лет шестнадцать, я нашла у неё коробку с письмами. Там были старые открытки, фотографии, какие-то записки. На одной фотографии был молодой мужчина. Я спросила, кто это. Мама выхватила снимок у меня из рук, а потом долго плакала. Я никогда прежде не видела её такой. Она сказала, что этот человек был единственным, перед кем она всю жизнь чувствовала себя виноватой.

Илья не ответил. Он смотрел на свои руки и видел, как дрожат пальцы. Он вдруг вспомнил маленькую деталь, которую раньше считал незначительной: в последние годы жизни Лиля никогда не фотографировалась на свой день рождения. Она отказывалась, отводила лицо, говорила, что не любит снимки. Однажды он спросил её, почему она так поступает, и она ответила, что фотографии сохраняют не только лица, но и то, чего человек хотел бы больше никогда не вспоминать.

Тогда он не понял её.

Теперь, кажется, начинал понимать слишком многое.

— Ты знаешь, где эта коробка? — спросил он.

— Знаю. Она у меня.

— Ты можешь посмотреть, что там осталось?

— Могу. Но я не хочу делать это по телефону. Я приеду к вам завтра.

— Не надо ждать до завтра.

— Илья… — Анна впервые назвала его по имени, и в этом прозвучало что-то почти детское, беззащитное. — Я только что похоронила мать. Я ещё не привыкла к мысли, что не смогу ей позвонить, если мне станет страшно или плохо. Я не могу за один день открыть все её тайны. Мне нужно немного времени.

Илья почувствовал стыд. Он слишком хорошо знал, как выглядит горе, когда оно ещё не успело превратиться в память. Ему хотелось получить ответы немедленно, словно правда могла вернуть ему хотя бы часть потерянного времени. Но Анна потеряла мать. И если он сейчас потребует от неё большего, то станет ещё одним человеком, который заставляет Лилю расплачиваться за чужие решения.

— Прости, — сказал он. — Я не подумал.

— Вы тоже потеряли её.

— Да. Только я потерял её давно. А теперь узнал, что всё это время не знал даже причины.

Они попрощались. Илья ещё несколько секунд держал телефон у уха, хотя вызов уже завершился. Затем положил его на стол и посмотрел на часы. До встречи с Верой Николаевной оставалось три часа.

Он решил выйти из дома раньше. Ему нужно было пройтись, подышать холодным воздухом, привести мысли в порядок. Но едва он надел пальто, телефон завибрировал. На экране высветился неизвестный номер. Илья ответил, однако не услышал ничего, кроме слабого шороха и чьего-то неровного дыхания.

— Алло?

Тишина.

— Кто это?

На другом конце будто собирались заговорить, но передумали. Затем раздался мужской голос, негромкий и странно спокойный:

— Не ходите сегодня в «Север».

Илья выпрямился.

— Кто говорит?

— Вам не нужно знать. Просто не ходите. Вера Николаевна не тот человек, которому можно доверять.

— Если вы знаете, кто такая Вера Николаевна, значит, знаете и то, зачем я с ней встречаюсь. Скажите прямо, что произошло с моим отцом.

На том конце раздался короткий смешок, в котором не было ни веселья, ни злорадства. Только усталость человека, слишком долго наблюдавшего за одной и той же трагедией.

— Ваш отец умер не потому, что кому-то так захотелось. Всё было гораздо сложнее. И именно поэтому вам следует остановиться.

— Вы утверждаете, что это был несчастный случай?

— Я утверждаю, что иногда человек умирает не в тот момент, когда перестаёт дышать, а намного раньше. Когда принимает решение, после которого уже не может вернуться к прежней жизни.

— Вы говорите загадками.

— Потому что прямые слова однажды уже убили человека.

Илья сжал телефон так сильно, что заболели пальцы.

— Моего отца?

Собеседник не ответил.

— Кто вы такой?

— Человек, который слишком долго молчал.

Связь оборвалась.

Илья несколько секунд стоял посреди прихожей, прислушиваясь к тишине. Потом перезвонил на неизвестный номер, но услышал сообщение, что абонент недоступен. Он попытался определить, кому принадлежал номер, однако тот оказался зарегистрирован на неизвестного оператора и не позволял получить никаких сведений. Это мог быть кто угодно: Сергей Белов, Вера Николаевна, один из старых знакомых отца или человек, о существовании которого Илья даже не подозревал. Но одно было очевидно: кто-то следил за его действиями. И этот кто-то знал, что Илья собирается встретиться с Верой.

Страх пришёл не сразу. Сначала возникло раздражение, почти злость. Илья привык считать себя человеком, который не отступает перед трудностями. Он работал на сложных объектах, принимал решения, от которых зависели сроки и безопасность строительства, спорил с заказчиками, выдерживал давление начальства и не раз начинал всё заново после неудач. Но ни одна из этих ситуаций не готовила его к тому, что он столкнулся с историей, в которой каждый участник мог оказаться одновременно виновным и жертвой.

Он посмотрел на фотографию отца и Лили. На обороте по-прежнему оставалась надпись: «Мы думали, что сможем всё исправить. Но один из нас уже тогда знал, чем это закончится».

Кто именно знал?

Отец? Сергей? Лиля?

И почему на снимке был третий человек, лицо которого Илья никак не мог вспомнить?

Он положил фотографию в карман внутренней стороны пальто и вышел из дома.

На улице моросил дождь. Небо над городом было низким, серым, а мокрый асфальт отражал свет фонарей, хотя до темноты оставалось ещё несколько часов. Илья шёл быстро, не выбирая маршрута. Он вспоминал август 1999 года, последние дни перед смертью отца, тот странный вечер, когда отец вернулся домой поздно и попросил никому не говорить, что он ездил за город. Тогда Илья не придал этому значения. В семье иногда случались вещи, о которых не задавали вопросов. Отец мог внезапно уехать на несколько часов, вернуться раздражённым, запереться в кабинете и до ночи разговаривать по телефону. Мать объясняла это работой, делами, ответственностью. Илья верил ей, потому что не видел причин не верить.

Теперь он пытался вспомнить, не изменилось ли поведение отца в последние недели. Не стал ли тот хуже спать, не начал ли чаще оглядываться, не появилось ли в его голосе что-то похожее на тревогу. Но память была ненадёжной. Она сохраняла отдельные сцены, запахи, случайные слова, а затем соединяла их так, как человеку хотелось. Илья боялся, что скоро начнёт видеть преступление в каждом воспоминании, подозревать каждого, кто когда-либо входил в их дом, и превращать прошлое в историю, которой никогда не существовало.

Он не хотел становиться пленником собственных догадок.

Но он уже им был.

В половине шестого Илья оказался на улице Ленина. Кафе «Север» находилось на первом этаже старого здания с потемневшими от времени кирпичными стенами. Когда-то здесь располагался книжный магазин, потом помещение долго пустовало, пока несколько лет назад его не переделали в небольшое кафе. Над входом висела скромная вывеска, а в широком окне горел тёплый свет. За стеклом виднелись столики, люди в пальто, официантка с подносом. Обычная жизнь, которая продолжалась независимо от того, что происходило в чужих сердцах.

Илья остановился напротив входа.

Он мог уйти. После телефонного звонка это было бы разумно. Если Вера Николаевна действительно опасна, встреча с ней могла закончиться чем угодно. Если же она говорила правду, кто-то пытался не позволить ему узнать её. В обоих случаях оставаться в неведении означало

продолжать жить чужой жизнью, в которой уже не осталось ни Лили, ни отца, ни прежнего доверия к самому себе.

Он вспомнил последнюю ночь в больнице. Лиля лежала неподвижно, её пальцы были холодными, а голос становился всё тише. Она могла попросить прощения, могла сказать, что любит его, могла рассказать о дочери, о своей жизни, о тех годах, которые они провели порознь. Но вместо этого она попросила его найти правду. Даже умирая, она не позволила себе закончить их историю словами о любви. Она оставила ему загадку, потому что, вероятно, считала: только так он сможет пережить её смерть и не превратить оставшиеся годы в бесконечное ожидание.

Илья открыл дверь кафе.

Тёплый воздух пах кофе, мокрой одеждой и свежей выпечкой. В глубине зала негромко играла музыка. За столиком у окна сидели двое пожилых мужчин, рядом молодая женщина разговаривала по телефону, а у стойки бариста протирал чашки. Илья медленно оглядел помещение. Вера Николаевна сидела в дальнем углу, спиной к стене, лицом к входу. Перед ней стояла нетронутая чашка чая. На столе лежала небольшая сумка, а рядом — старый коричневый конверт, края которого потемнели от времени.

Увидев Илью, она не улыбнулась. Только подняла глаза и едва заметно кивнула, словно не была уверена, что он действительно придёт.

Илья подошёл к столику.

— Вы опоздали на три минуты, — сказала Вера Николаевна.

— По дороге мне позвонили и посоветовали не приходить.

Женщина побледнела так резко, что Илья невольно посмотрел на её руки. Она сжала чашку обеими ладонями, хотя чай, судя по всему, давно остыл.

— Что именно вам сказали?

— Что вам нельзя доверять.

Вера Николаевна закрыла глаза.

— Господи… Значит, они уже знают.

— Кто они?

Она не ответила. Вместо этого подняла голову и внимательно посмотрела на Илью, будто пыталась разглядеть в нём черты человека, которого не видела много лет. В её взгляде было что-то такое, от чего ему стало не по себе. Не страх перед ним, не недоверие и даже не жалость. Скорее, чувство вины, настолько глубокое, что со временем оно перестало быть эмоцией и превратилось в часть её лица.

— Садитесь, — наконец произнесла она. — И, пожалуйста, не повышайте голос. Я расскажу вам всё, что смогу. Но вы должны понимать одну вещь: если после нашего разговора вы решите искать правду до конца, назад дороги уже не будет.

Илья сел напротив.

— Я уже потерял человека, которого любил двадцать семь лет. И человека, который был моим отцом. Что ещё я могу потерять?

Вера Николаевна посмотрела на него с такой печалью, что он сразу понял: ответ ему не понравится.

— Своё представление о них, — сказала она. — А иногда это больнее, чем потерять самих людей.

Она произнесла эти слова без драматизма, почти буднично. И именно поэтому они подействовали на Илью сильнее, чем любая угроза. Он знал, что люди редко оказываются такими, какими кажутся на первый взгляд. За каждым человеком стояли ошибки, страхи, несбывшиеся мечты, поступки, о которых он жалел, и поступки, которые продолжал оправдывать до самой смерти. Но он никогда не думал, что однажды ему придётся пересмотреть всю жизнь собствен-

ного отца. Человека, которого он любил, которому доверял и которого после смерти защищал даже в разговорах с Лилей.

— Начните с августа 1999 года, — сказал Илья. — С того дня, когда вы в последний раз видели меня. Вы сами назвали эту дату на похоронах.

Вера Николаевна медленно провела пальцем по краю чашки.

— Двадцать третьего августа тысяча девятьсот девяносто девятого года ваш отец пришёл ко мне домой. Это было вечером, около девяти часов. Я жила тогда на окраине города, в старом доме возле железнодорожной станции. Мы были знакомы много лет, хотя друзьями нас назвать было нельзя. Он помогал моему мужу с работой, иногда приезжал к нам по делам. Я знала вашу мать, знала и Лилю. И, наверное, именно поэтому он решил обратиться ко мне. Он считал, что я смогу сделать то, чего не смог бы сделать он сам.

— Что именно?

— Убедить Лилю исчезнуть из вашей жизни.

Илья почувствовал, как внутри него что-то болезненно сжалось. Он знал эту часть истории. По крайней мере, думал, что знал. Отец действительно приходил к Лиле, действительно говорил ей о будущем сына, о её положении, о том, что она мешает Илье двигаться вперёд. Но Илья никогда не предполагал, что в этом участвовали другие люди.

— Он уже сделал это сам, — сказал Илья. — Зачем ему понадобились вы?

— Потому что Лиля ему не поверила. Она была молодой, но не глупой. Она понимала, что ваш отец не желает ей добра, хотя и прикрывает свои намерения заботой о вас. Он говорил ей, что вы скоро забудете её, что у вас будет хорошая работа, семья, обеспеченная жизнь. Говорил, что она не сможет дать вам того, что вы заслуживаете. Но Лиля знала вас. Она верила, что вы любите её, и была уверена, что, если расскажет вам о разговоре, вы не отступите.

— И тогда отец решил запугать её сильнее?

— Нет. Он решил показать ей, что вы уже выбрали другую женщину.

Илья резко поднял голову.

— Какую женщину?

— Ваш отец принёс фотографию. На ней вы стояли рядом с девушкой. Вы оба улыбались. Лиля увидела этот снимок и сначала не поверила. Она решила, что фотография старая или что ваш отец намеренно вырвал её из какого-то другого контекста. Но он сказал, что вы встречаетесь, что ваша новая знакомая подходит вам гораздо лучше, чем Лиля, и что вы сами попросили его поговорить с ней, потому что не хотите больше продолжать прежние отношения.

— Это ложь.

— Да. Но тогда Лиля этого не знала.

Илья откинулся на спинку стула. Он вспомнил девушку на фотографии. Её звали Ольга. Они учились в одном институте, вместе работали над дипломным проектом, несколько раз ходили в кино и однажды действительно сфотографировались после защиты. Ольга была доброй, умной, красивой девушкой. Она нравилась его матери, а отец неоднократно говорил, что из них получилась бы прекрасная пара. Но между Ильёй и Ольгой никогда не было той любви, о которой говорят спустя годы. Он уважал её, ему было приятно проводить с ней время, однако сердце оставалось там, где была Лиля.

Илья не помнил, чтобы отец когда-либо показывал Лиле эту фотографию. Теперь он понимал, что отец мог сделать это в любой момент. Снимок был настоящим. Ложью было всё, что отец рассказал о нём.

— Почему Лиля не спросила меня? — тихо произнёс он.

Вера Николаевна посмотрела на него с усталой нежностью.

— Она пыталась. Несколько раз звонила вам, но каждый раз не решалась заговорить. Потом ваш отец сказал ей, что вы уехали на несколько дней и не хотите, чтобы вас беспокоили. Я не знаю, правда ли это. Возможно, он действительно сделал так, чтобы вы не встретились.

Возможно, Лиля сама испугалась услышать от вас то, что уже услышала от него. Но в конце концов она решила, что должна уйти.

— И вы помогли ей?

Вера Николаевна отвела взгляд.

— Да.

— Каким образом?

— Я отвезла её на вокзал.

Илья почувствовал, как в груди поднимается глухая ярость. Двадцать семь лет он представлял её отъезд по-разному. Иногда ему казалось, что Лиля собрала вещи за одну ночь и уехала, не оглянувшись. Иногда он воображал, как она долго стояла на перроне, ждала, что он появится, и в последний момент всё же села в поезд. В самые тяжёлые годы он убеждал себя, что она просто выбрала другого мужчину и не захотела возвращаться к прошлому. Теперь же перед ним сидела женщина, которая знала, как именно Лиля покинула город, и, возможно, могла рассказать, что происходило в её душе в последние минуты перед отъездом.

— Вы видели её перед посадкой?

— Конечно.

— Она плакала?

Вера Николаевна долго не отвечала. Потом кивнула.

— Она плакала так, словно оставляла на этом перроне не одного человека, а всю свою жизнь. Я пыталась её остановить. Сказала, что она совершает ошибку, что не должна принимать решение только потому, что кто-то запугал её. Но Лиля ответила, что иногда любовь заключается не в том, чтобы остаться рядом, а в том, чтобы дать человеку возможность прожить жизнь без тебя.

Илья отвернулся к окну.

За стеклом прохожий торопливо перебегал улицу, прикрывая голову раскрытым зонтом. На соседнем столике молодая пара смеялась над чем-то в телефоне. Девушка положила голову парню на плечо, а он обнял её, не отрывая взгляда от экрана. Всё это было до смешного обычным, почти неприлично обычным на фоне того, что Илья сейчас узнавал о собственной жизни.

Он вдруг подумал, сколько раз за эти двадцать семь лет видел влюблённых людей и испытывал к ним не зависть, а какую-то странную жалость. Он считал, что любовь обязательно заканчивается: кто-то уходит, кто-то разлюбит, кто-то встречает другого человека. И всё же в глубине души продолжал верить, что есть чувства, которые не исчезают даже тогда, когда их обладатели давно перестали встречаться. Он называл это верностью, хотя иногда подозревал, что просто не умеет отпускать.

Теперь ему предстояло узнать, была ли его верность любовью или долгим наказанием, которое он сам себе назначил.

— Вы сказали, что отвезли Лилю на вокзал, — произнёс он, не поворачиваясь. — А что произошло потом?

Вера Николаевна взяла сумку и достала из неё старый конверт. Она не сразу положила его на стол. Сначала несколько раз провела ладонью по потёртой поверхности, словно проверяла, действительно ли этот предмет существует.

— После отъезда Лили ваш отец приехал ко мне ещё раз. Он хотел убедиться, что она не вернётся. Я спросила, зачем ему всё это. Вы были взрослым человеком. Вы могли сами решить, с кем вам жить, кого любить и на ком жениться. Он ответил, что я ничего не понимаю, что он делает всё ради вас и что однажды вы будете ему благодарны.

— Он действительно так думал?

— В тот момент — да. И это самое страшное. Он не считал себя злодеем. Он был уверен, что имеет право вмешиваться в вашу жизнь, потому что любит вас. Он говорил, что вы слишком молоды, что не понимаете последствий своих решений и что одна ошибка может

погубить всё ваше будущее. Для него Лиля была не человеком, а опасностью, которую необходимо устранить.

— Но она ничего не сделала ему.

— Он боялся не её. Он боялся того, что могло открыться, если бы вы остались вместе.

Илья медленно повернулся.

— Что могло открыться?

Вера Николаевна посмотрела на конверт. Её пальцы дрожали.

— Я не знаю всей правды. Тогда мне казалось, что я знаю достаточно, чтобы понять происходящее. Но сейчас я понимаю, что ошибалась. Ваш отец не просто хотел разлучить вас с Лилей. Он пытался не допустить, чтобы вы узнали о событиях, которые произошли за несколько дней до её отъезда.

— Каких событиях?

— В ночь с двадцать второго на двадцать третье августа погиб человек.

Илья замер.

В кафе продолжали звенеть чашки. Бариста позвал кого-то к стойке. Дверь открылась, впустив внутрь порыв холодного воздуха, и снова закрылась. Никто вокруг не заметил, что для одного человека время внезапно остановилось.

— Кто погиб? — спросил Илья.

Вера Николаевна закрыла глаза.

— Ваш друг. Андрей Крылов.

Имя прозвучало так тихо, что Илья сначала не поверил, что услышал его правильно. Андрей. Его лучший друг. Человек, с которым они росли в одном дворе, вместе поступали в институт, спорили о будущем, мечтали построить собственные дома и однажды уехать на север, чтобы заработать денег на первые самостоятельные проекты. Андрей был тем, кому Илья доверял больше, чем самому себе. Он знал о Лиле всё: как они познакомились, как впервые поцеловались, как Илья собирался сделать ей предложение. И когда Лиля уехала, именно Андрей остался рядом с ним. Он не пытался утешать его пустыми словами, не говорил, что найдётся другая, не убеждал забыть прошлое. Он просто приходил, садился рядом и молчал, пока Илья не начинал говорить сам.

А потом Андрей погиб.

Официально это произошло в результате автомобильной аварии на загородной дороге. Машина сорвалась с мокрого поворота, ударилась о дерево и загорелась. Андрей умер до приезда скорой помощи. Его похоронили через несколько дней. Илья тогда был настолько разбит, что едва помнил церемонию. Он стоял возле могилы, смотрел на землю, которую бросали на крышку гроба, и думал, что жизнь забирает у него всех людей, без которых он не умеет существовать.

Он помнил отца, который приехал на похороны и крепко сжал его плечо. Помнил, как тот сказал: «Нужно жить дальше». Помнил, как разозлился на эти слова, потому что не понимал, как можно жить дальше, если один человек уехал, а другой уже никогда не вернётся.

Но теперь между смертью Андрея и отъездом Лили возникла связь, о которой он даже не подозревал.

— Андрей погиб двадцать второго августа, — произнёс Илья. — За день до того, как отец пришёл к Лиле.

— Да.

— И вы хотите сказать, что эти события связаны?

— Я хочу сказать, что ваш отец знал об аварии больше, чем рассказал полиции.

Илья наклонился к ней.

— Вы были там?

— Нет.

— Вы видели документы?

— Да.

— Какие документы?

Вера Николаевна открыла конверт и вынула несколько сложенных листов. Бумага пожелтела, на сгибах появились трещины. Она положила их на стол, но не отпустила, продолжая придерживать пальцами, словно кто-то мог выхватить их в любую секунду.

— После смерти Андрея я случайно оказалась в кабинете вашего отца. Это было через два дня после похорон. Я приехала к нему по просьбе своего мужа, которому нужно было передать документы по работе. Вашего отца не было дома, но дверь кабинета оказалась открыта. На столе лежала папка с материалами аварии. Я не собиралась ничего читать. Я даже не знала, что именно нахожусь в кабинете, где лежат документы, которые меня не касаются. Но на одном листе увидела имя Андрея. И рядом — вашу фамилию.

— Мою?

— Да. Там была запись о телефонном разговоре, который состоялся в ночь аварии. Ваш отец звонил Андрею незадолго до его смерти.

Илья почувствовал, как холодеют ладони.

— Зачем?

— Я не знаю. В документах не было содержания разговора. Только время и номер телефона. Но рядом лежала записка, написанная рукой вашего отца. На ней было несколько слов: «Он всё узнал. Не дать ему поговорить с Ильёй».

Илья посмотрел на неё, не моргая.

— Вы уверены, что это была рука моего отца?

— Я знала его почерк. Видела десятки его писем и документов. Я не могла ошибиться.

— Почему вы не сообщили в полицию?

— Потому что в тот же вечер мне позвонили. Незнакомый мужчина сказал, что я должна забыть о том, что увидела, если хочу, чтобы моя семья осталась целой. Он назвал имя моего мужа, место его работы и школу, в которой училась наша дочь. Он не кричал, не угрожал напрямую. Просто перечислил факты, которые не мог знать случайный человек. А потом добавил, что иногда несчастные случаи происходят с теми, кто слишком много интересуется чужими делами.

Она замолчала. Илья видел, как она старается держать себя в руках, но теперь ему было понятно, почему эта женщина молчала столько лет. Страх не всегда выглядит как паника. Иногда он становится привычкой, с которой человек просыпается по утрам и засыпает вечером. Он заставляет проверять замки, оглядываться на улице, избегать случайных встреч и убеждать себя, что молчание — это не трусость, а единственный способ защитить тех, кого любишь.

— И вы молчали двадцать семь лет, — сказал Илья.

Вера Николаевна вздрогнула.

— Да.

— Вы позволили мне думать, что Андрей погиб случайно.

— Я позволила себе думать, что смогу защитить свою семью. Я убеждала себя, что у меня нет доказательств, что записка могла означать что угодно, что ваш отец не мог быть причастен к смерти человека, которого знал с детства. Потом умер ваш отец. Я решила, что всё закончилось. А когда Лиля уехала, я подумала, что теперь никто уже не станет возвращаться к прошлому.

— Но кто-то продолжал возвращаться.

— Да.

Илья посмотрел на документы. На одном листе действительно было имя Андрея Крылова, на другом — дата, время и несколько строк, напечатанных на старой машинке. Но больше всего его потрясла маленькая фотография, прикреплённая к последнему листу скрепкой. На

ней Андрей стоял возле автомобиля, положив руку на плечо незнакомого мужчины. На заднем плане виднелся вход в здание, которое Илья узнал не сразу.

Это был старый корпус городской больницы.

Илья перевернул фотографию. На обороте стояла дата: 21 августа 1999 года. Под ней — три слова, написанные почерком Андрея:

«Если со мной…»

Дальше текст обрывался. Бумага была разорвана, словно кто-то намеренно уничтожил оставшуюся часть.

— Где вы это взяли? — спросил Илья.

— Всё это лежало в той папке. Я не знала, что делать, поэтому забрала документы. Я думала, что когда-нибудь передам их человеку, который сможет разобраться в происходящем. Но годы шли, и каждый раз, когда я собиралась заговорить, мне казалось, что я снова подвергаю свою семью опасности. А потом я увидела вас на похоронах Лили и поняла, что больше не могу молчать.

— Почему именно сейчас?

Вера Николаевна подняла глаза.

— Потому что вчера вечером мне позвонила Лиля.

Илья перестал дышать.

— Что?

— Она позвонила мне за несколько часов до того, как её увезли в больницу. Я не знала, что она настолько больна. Она говорила очень тихо, всё время останавливалась, будто ей было трудно дышать. Она сказала, что больше не хочет уносить эту тайну с собой. Попросила меня встретиться с вами после её смерти и рассказать всё, что я знаю. Она сказала, что вы имеете право услышать правду от живого человека, а не собирать её по обрывкам писем.

Илья не мог отвести от неё взгляда.

— Почему она не сказала мне сама?

— Потому что боялась, что вы не сможете её простить.

— Простить за что? За то, что её заставили уехать?

Вера Николаевна опустила голову.

— Не только за это.

Впервые за весь разговор она выглядела по-настоящему испуганной. Не из-за звонка неизвестного человека, не из-за возможных угроз, а из-за того, что собиралась произнести следующие слова.

— Илья, вы должны понять: Лиля не просто уехала из города. Она знала, что произошло с Андреем. И в ту ночь она была с ним.

Илья медленно отодвинулся от стола.

— Нет.

— Я понимаю, что вам трудно это принять.

— Нет, вы не понимаете. Андрей был моим другом. Лиля любила меня. Она не могла…

Он замолчал. Слова не складывались. Перед глазами возникли десятки воспоминаний, которые прежде казались простыми и понятными. Последний разговор с Андреем. Его странная просьба встретиться, на которую Илья тогда не смог ответить, потому что был занят работой. Сообщение, пришедшее поздно вечером, которое он увидел только утром. Смерть друга. Исчезновение Лили. Отец, который после похорон Андрея несколько дней не выпускал сына из виду, будто боялся, что тот совершит что-то непоправимое.

Илья вспомнил и ещё одну вещь. В день похорон Андрея Лиля не пришла на кладбище. Он тогда позвонил ей несколько раз, но телефон был выключен. Позже она сказала, что уехала к родственникам и не смогла вернуться вовремя. Илья поверил ей, хотя это объяснение пока-

залось ему странным. Теперь он понимал: возможно, Лиля уже тогда была вынуждена скрываться.

— Что произошло в ночь аварии? — спросил он.

— Этого я не знаю.

— Но вы сказали, что она была с ним.

— Я знаю только то, что Лиля рассказала мне перед отъездом. Она сказала, что Андрей пытался предупредить вас об опасности. Он узнал нечто, что касалось вашего отца, и собирался рассказать вам правду. Но прежде чем он успел это сделать, произошла авария.

— Какая опасность? Что мог узнать Андрей?

— Этого Лиля мне не сказала. Она только повторяла, что не должна была оставлять вас одного, что всё могло бы закончиться иначе, если бы она не испугалась.

Илья закрыл лицо руками. Он чувствовал, что теряет опору под ногами. Вся его жизнь превращалась в цепочку чужих решений, принятых без его ведома. Отец решал, кого ему любить. Лиля решала, что ему лучше не знать правду. Вера Николаевна решала, что молчание защитит её семью. Андрей, возможно, пытался решить, как спасти друга, но не успел. И никто из них не спросил самого Илью, чего хочет он.

Он всю жизнь думал, что потерял Лилю из-за её выбора. Теперь ему предстояло узнать, не потерял ли он её потому, что слишком многие люди считали собственные страхи важнее его права на правду.

— Дайте мне документы, — сказал он.

Вера Николаевна собрала листы и передала ему конверт.

— Я должна предупредить вас ещё об одном. Человек, который угрожал мне тогда, был связан с вашим отцом. Я не знаю его настоящего имени. Но накануне смерти вашего отца я видела его возле вашего дома. Он разговаривал с вашим отцом в машине. Они спорили. Я находилась через дорогу и не слышала слов, но помню, как ваш отец ударил ладонью по рулю, а тот мужчина схватил его за плечо.

— Вы сообщили об этом полиции?

— Нет.

— Конечно, — горько произнёс Илья. — Никто ничего не сообщал. Никто ничего не видел. Все молчали, пока я хоронил близких и пытался понять, почему моя жизнь рушится.

Вера Николаевна не стала оправдываться.

— Вы имеете право меня ненавидеть.

— Я не знаю, что чувствую к вам. Пока не знаю.

Он убрал конверт во внутренний карман пальто и поднялся. Ему нужно было выйти на улицу, вдохнуть холодный воздух и побыть одному. Но Вера Николаевна неожиданно схватила его за руку.

— Подождите. Есть ещё кое-что.

Илья посмотрел на неё.

— Что ещё?

— В тот вечер, когда ваш отец приехал ко мне после смерти Андрея, он оставил у меня одну вещь. Сказал, что я должна хранить её и никому не показывать. Я много лет не открывала её. А недавно, когда узнала о болезни Лили, решила, что должна избавиться от неё. Но не смогла.

Она достала из сумки маленький металлический футляр.

Илья узнал его сразу.

Такой же футляр он видел на фотографии, которую прислала Лиля. Тот самый, что лежал на столе в кабинете Сергея Белова рядом с папкой, на которой было написано его имя.

— Откуда он у вас? — спросил Илья.

— Ваш отец оставил его мне двадцать семь лет назад.

— Что внутри?

— Я не знаю. Он был заперт. Ключа у меня никогда не было.

Илья взял футляр. Металл оказался холодным, почти ледяным. На крышке были выгравированы три буквы: «А. К. В.». Он сразу узнал первые две — Андрей Крылов. Третья могла принадлежать кому угодно, но Илья почему-то был уверен, что это не случайное совпадение.

— Вы сказали, что отец оставил его после смерти Андрея. Почему вы не отдали его мне раньше?

— Потому что он попросил не делать этого, пока не придёт время.

— Какое время?

— Он сказал, что вы должны получить футляр только в том случае, если Лиля вернётся в вашу жизнь.

Илья замер.

— Но она не вернулась.

— Она вернулась, — тихо сказала Вера Николаевна. — Просто вы узнали об этом слишком поздно.

В этот момент за окном остановилась чёрная машина. Она подъехала так тихо, что Илья заметил её только потому, что женщина за соседним столиком повернула голову. Машина стояла у тротуара с выключенными фарами. Стёкла были затемнены, и невозможно было разглядеть, кто находился внутри.

Вера Николаевна побледнела.

— Вам нужно уходить.

— Кто это?

— Не смотрите на неё. Просто уходите через задний выход. Здесь есть служебный коридор, он ведёт во двор.

Илья не двигался.

— Вы знаете, кто приехал?

— Нет. Но я знаю, что они не должны были нас найти так быстро.

Она резко поднялась, схватила сумку и направилась к стойке, словно собиралась заплатить за чай. Илья последовал за ней, держа футляр в кармане. Он чувствовал на себе чужие взгляды, хотя никто из посетителей не обращал на него внимания. В кафе по-прежнему звучала музыка, официантка принимала заказ, а у окна смеялась молодая пара. Обычная жизнь продолжалась, не замечая, что за стеклом кто-то, возможно, следил за человеком, который только что узнал, что его отец мог быть связан со смертью лучшего друга.

У служебной двери Вера Николаевна остановилась и повернулась к нему.

— Послушайте меня внимательно. Не доверяйте Сергею Белову. Не доверяйте людям, которые скажут, что ваш отец был хорошим человеком и просто совершил ошибку. И не верьте тем, кто станет утверждать, что Лиля виновата в смерти Андрея. Она не была убийцей.

— Тогда почему она молчала?

Вера Николаевна посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что пыталась спасти вас.

— От кого?

Женщина открыла дверь.

— От человека, который всё ещё считает, что имеет право решать, кому жить, а кому умирать.

Они вышли во двор. Там было темно и сыро, пахло мокрым кирпичом и мусорными контейнерами. Вера Николаевна показала на узкий проход между зданиями и сказала, что дальше он сможет выйти на соседнюю улицу. Она собиралась идти в другую сторону, но Илья удержал её за рукав.

— Мы ещё встретимся?

Она посмотрела на него так, словно уже знала ответ.

— Если я смогу.

— Что это значит?

— Я слишком долго жила, надеясь, что прошлое не найдёт меня. Но сегодня оно нашло нас обоих.

Она высвободила рукав и быстро пошла к противоположному выходу. Илья хотел окликнуть её, но в этот момент услышал за спиной звук открывающейся двери. Он обернулся и увидел мужчину в тёмном пальто, который вышел из кафе и остановился у стены. Мужчина был высоким, широкоплечим, с седыми волосами и лицом, которое Илья не мог вспомнить, хотя был уверен, что уже видел его.

Незнакомец посмотрел на Илью, затем на дверь, через которую ушла Вера Николаевна.

— Вы сын Виктора Воронова? — спросил он.

Илья не ответил.

— Значит, всё-таки добрались до неё.

— Кто вы?

Мужчина усмехнулся.

— Человек, который пытается не допустить, чтобы вы повторили ошибки своего отца.

— Вы знали моего отца?

— Лучше, чем вам хотелось бы.

Илья сделал шаг вперёд.

— Что произошло с Андреем Крыловым?

Улыбка исчезла с лица незнакомца. На несколько секунд он словно забыл, зачем пришёл, и посмотрел на Илью с выражением, в котором смешались удивление и неприязнь.

— Вам не следовало произносить это имя вслух.

— Почему?

— Потому что мёртвые не могут защитить живых. А живые иногда готовы убить, лишь бы никто не узнал, за что именно они боятся.

Мужчина повернулся и направился к выходу со двора.

— Стойте! — крикнул Илья.

Незнакомец не остановился.

Илья бросился за ним, но, добежав до улицы, увидел только удаляющуюся чёрную машину. Дверца захлопнулась, автомобиль тронулся с места и растворился в потоке вечернего движения. Илья остался на тротуаре, сжимая в кармане металлический футляр. Он не знал имени человека, который только что разговаривал с ним, но уже понимал, что тот связан с историей его отца.

Телефон завибрировал.

На экране появилось сообщение с неизвестного номера.

«Если хотите узнать, почему умер ваш отец, не открывайте футляр. Внутри находится доказательство того, что Лиля солгала вам в последний раз».

Илья перечитал сообщение несколько раз.

Затем посмотрел на металлический футляр.

Его отец хранил эту вещь двадцать семь лет. Сергей Белов держал такой же футляр у себя в кабинете. Вера Николаевна утверждала, что не знает, что находится внутри. А теперь кто-то предупреждал Илью, что именно этот предмет способен доказать, будто Лиля солгала ему перед смертью.

Он вспомнил её лицо на больничной подушке. Вспомнил слабое движение губ, последние слова, которые она произнесла, и то, как её пальцы постепенно теряли тепло в его ладони.

«Я ведь тоже тебя любила, Илья».

Он тогда подумал, что это признание наконец-то освобождает его от двадцати семи лет мучительного ожидания. Теперь же ему казалось, что даже эти слова могут оказаться частью какой-то чужой игры.

Но одно Илья знал точно: он больше не позволит никому решать за него, какую правду ему можно услышать.

Он убрал телефон, достал футляр и внимательно осмотрел замок. Металл был потёрт, на углах виднелись следы ударов. На обратной стороне обнаружилась маленькая пластина, почти незаметная под слоем грязи. Илья провёл по ней пальцем и почувствовал выступающие буквы.

«Для того, кто останется».

Он долго смотрел на надпись, не понимая её смысла. Потом вспомнил Андрея, который однажды, ещё в институте, сказал ему, что самые важные вещи человек оставляет не тому, кто заслуживает их больше всех, а тому, кто сможет пережить правду.

Тогда Илья рассмеялся и спросил, откуда Андрей взял эту глупость.

Друг ответил, что однажды обязательно объяснит.

Он так и не объяснил.

Илья поймал такси и назвал адрес своей квартиры. Всю дорогу он смотрел в окно, не замечая улиц, по которым проезжал. В голове крутились слова Веры Николаевны, сообщение неизвестного человека и имя Андрея, которое теперь стало ключом к тайне, начавшейся задолго до того, как Илья понял, что теряет Лилю.

Когда он вошёл домой, было уже темно. Он не включил верхний свет, только настольную лампу в кабинете. Разложил на столе письма Лили, фотографии, документы Веры Николаевны и металлический футляр. Рядом положил старый снимок, на котором были изображены его отец, Лиля и Сергей Белов.

Он долго изучал лица на фотографии. Теперь ему казалось, что они не просто стоят рядом. Между ними существовала какая-то невидимая связь, и каждый из троих знал нечто, чего не знал другой. Возможно, именно это и разрушило их жизни. Возможно, Лиля уехала не только потому, что боялась потерять Илью. Возможно, отец не просто хотел оградить сына от несчастной любви. А Сергей Белов все эти годы хранил молчание не из страха, а потому, что однажды дал обещание, которое теперь не мог нарушить.

Илья взял фотографию и поднёс её к свету.

На этот раз он заметил деталь, которую раньше не видел. На запястье Сергея были часы с широким металлическим браслетом. Такие же часы лежали на руке мужчины, стоявшего рядом с автомобилем Андрея на старой фотографии из документов Веры Николаевны.

Илья положил снимки рядом.

Это был один и тот же человек.

Сергей Белов находился рядом с Андреем за день до его гибели. И, судя по всему, он был не просто знакомым, а участником событий, которые кто-то пытался скрыть.

Илья достал телефон и снова набрал его номер. На этот раз вызов прошёл. После нескольких гудков Сергей ответил.

— Я предупреждал вас, что не нужно мне звонить, — произнёс он.

— Я видел фотографию Андрея. Вы были с ним за день до аварии.

На другом конце стало тихо.

— Где вы взяли этот снимок?

— Это не имеет значения. Вы знали Андрея. Вы знали моего отца. Вы знали Лилю. И все вы каким-то образом связаны с тем, что произошло в августе 1999 года.

Сергей тяжело вздохнул.

— Вы думаете, что ищете убийцу. Но вы ищете не того человека.

— Тогда назовите имя того, кого я должен искать.

— Я не могу.

— Не можете или не хотите?

— Вы даже не представляете, о чём просите.

— Мой отец умер, мой лучший друг погиб, а женщина, которую я любил всю жизнь, унесла правду с собой в могилу. Не рассказывайте мне, что я не представляю, о чём прошу.

Сергей долго молчал. Илья слышал его дыхание, слабый шум на заднем плане и едва различимый звук шагов.

— Лиля не всё вам рассказала, — наконец произнёс Сергей.

— Я уже понял.

— И ваш отец не был тем человеком, которого вы помните.

— Это мне тоже уже говорили. Я хочу услышать, что именно он сделал.

— Не сегодня.

— Почему?

— Потому что сегодня вы ещё можете отказаться от поисков. Завтра, когда узнаете, что находится в футляре, отказаться будет намного сложнее.

Илья посмотрел на металлическую коробку.

— Вы знаете, что внутри?

— Да.

— Тогда скажите.

— Нет.

— Вы боитесь?

Сергей ответил не сразу.

— Я боюсь не за себя, Илья. Я боюсь за вас.

Илья усмехнулся.

— Удивительно. Все эти годы каждый, кто разрушал мою жизнь, утверждал, что делает это ради меня.

— Я понимаю, почему вы мне не верите.

— Нет. Не понимаете. Но вы можете исправить хотя бы одну ошибку. Расскажите, что случилось с Андреем.

Сергей тяжело вздохнул. Затем произнёс фразу, после которой Илья перестал чувствовать пол под ногами.

— Андрей погиб не в той машине, которую нашли на загородной дороге.

— Что?

— То, что вы знаете об аварии, — неправда. Машина действительно разбилась. Но Андрей в тот момент уже был мёртв.

Илья не мог произнести ни слова.

— Кто был за рулём? — наконец спросил он.

— Не знаю.

— Вы лжёте.

— Возможно. Но есть кое-что, чего я не могу изменить, как бы сильно ни хотел. Андрей был жив, когда мы с ним встретились. Он собирался рассказать вам правду. Он говорил, что вы должны знать всё, даже если после этого возненавидите его. А потом исчез.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Двадцать первого августа, около одиннадцати вечера.

Илья посмотрел на фотографию, на которой Андрей стоял рядом с Сергеем.

— Что вы ему сделали?

— Я не убивал Андрея.

— Я не спрашивал, убивали ли вы его. Я спросил, что вы ему сделали.

Сергей молчал так долго, что Илья решил, будто связь прервалась.

— Я предал его, — наконец сказал Сергей. — И, возможно, именно поэтому он погиб.

— Каким образом?

— Если я расскажу вам сейчас, вы не сможете понять. Вам нужно сначала открыть футляр.

— Вы только что сказали, что я должен отказаться от поисков, потому что после этого не смогу остановиться. А теперь предлагаете открыть его?

— Я не предлагаю. Я говорю, что вы всё равно это сделаете. И когда увидите, что там лежит, вспомните мои слова.

Илья хотел задать следующий вопрос, но Сергей заговорил снова, торопливо, словно боялся, что не успеет закончить:

— Илья, послушайте. Если внутри окажется фотография, не верьте тому, что на ней увидите. Если найдёте письмо, не читайте последнюю страницу. А если там будет запись, не слушайте её в одиночку.

— Почему?

— Потому что голос, который вы услышите, принадлежит человеку, которого вы считали мёртвым.

Илья почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Кому?

Но Сергей уже отключился.

Илья остался сидеть перед телефоном, не в силах пошевелиться. За окном шумел дождь. Настольная лампа освещала разбросанные бумаги, фотографию Лили и металлический футляр, который теперь казался не вещью, а последней дверью в прошлое.

Он вспомнил слова на обороте старой фотографии: «Мы думали, что сможем всё исправить. Но один из нас уже тогда знал, чем это закончится».

Возможно, это был Андрей.

Возможно, Сергей.

А возможно, человек, которого Илья считал мёртвым.

Он достал из ящика набор инструментов. Несколько минут изучал замок, затем осторожно поддел его тонким металлическим стержнем. Механизм поддался не сразу. Раздался сухой щелчок, и крышка приподнялась на несколько миллиметров.

Илья остановился.

Ему вдруг захотелось позвонить Анне, услышать чей-нибудь живой голос, спросить, как она себя чувствует, рассказать ей о матери, которую они оба потеряли, хотя и по-разному. Но он не стал этого делать. Сергей предупредил его не открывать футляр в одиночку, однако Илья уже слишком долго позволял другим решать, когда ему можно узнать правду.

Он медленно поднял крышку.

Внутри лежали три предмета: маленькая аудиокассета, сложенный вчетверо лист бумаги и серебряное кольцо.

Илья узнал кольцо мгновенно.

Он сам подарил его Лиле за два месяца до её исчезновения. Это было простое серебряное колечко без драгоценных камней. Он купил его на последние деньги, которые откладывал на поездку к морю, и тогда, смеясь, сказал, что когда-нибудь заменит его настоящим обручальным кольцом. Лиля надела подарок на безымянный палец и ответила, что никакое другое кольцо ей не нужно.

В день её отъезда кольца на ней не было.

Илья помнил это, хотя тогда не придал значения. Он видел Лилю за несколько дней до её исчезновения, и кольцо всё ещё было на её руке. После этого они не встречались.

Теперь оно лежало в футляре, который отец хранил двадцать семь лет.

Илья взял лист бумаги. На нём было написано всего несколько строк:

«Илья, если ты читаешь это письмо, значит, мы не смогли уберечь тебя от правды. Прости нас. Мы думали, что защищаем тебя, но на самом деле защищали собственные страхи. Не ищи виновного среди тех, кто остался жив. Самый страшный поступок совершил тот, кто однажды решил, что любовь даёт ему право распоряжаться чужой судьбой».

Под письмом стояла подпись.

«Андрей».

Илья долго смотрел на неё. Почерк был знакомым, почти родным. Он узнал характерный наклон букв, длинную черту в последней букве фамилии, небольшое пятно чернил возле подписи. Андрей писал так всю жизнь.

Но внизу, под подписью, стояла дата.

14 октября 2017 года.

Илья медленно опустил лист на стол.

Андрей Крылов погиб в августе 1999 года.

По крайней мере, именно так было записано в официальных документах.

Но кто-то написал это письмо восемнадцать лет спустя.

И если письмо не было подделкой, если Сергей не пытался запутать его, если дата действительно означала то, что Илья подумал, то существовала только одна возможность.

Андрей был жив после собственной смерти.

И, возможно, всё это время знал, что Илья продолжает ждать Лилю.

Илья перевёл взгляд на аудиокассету. На её белой наклейке было написано одно слово, выведенное знакомым почерком:

«Лиля».

Он не включил запись.

Пока не включил.

Потому что впервые за много лет ему стало страшно услышать голос женщины, которую он любил. Не потому, что она могла солгать. Не потому, что могла признаться в том, чего он не знал. А потому, что если Лиля действительно оставила эту запись, значит, она знала, что однажды он найдёт футляр.

Она знала, что правда откроется.

И всё равно позволила ему прожить двадцать семь лет в неведении.

Илья медленно закрыл футляр и прижал ладони к лицу. Он больше не плакал. Слёзы закончились ещё в больничной палате, когда Лиля перестала дышать. Но сейчас внутри него происходило что-то более страшное, чем горе. Разрушалась последняя уверенность, которая помогала ему жить: вера в то, что любовь, даже безответная, хотя бы не делает человека чужим самому себе.

Он любил Лилю всю жизнь. Любил, когда она ушла. Любил, когда пытался забыть. Любил, когда строил дом, в котором она никогда не жила, когда встречал другие рассветы, когда хоронил отца и друга, когда думал, что всё самое страшное уже случилось. Он любил её даже тогда, когда не знал, где она и счастлива ли она.

Но теперь он не знал, кого именно любил все эти годы.

Женщину, которая ушла ради его спасения?

Женщину, которая скрыла от него смерть друга?

Или женщину, которая знала, что прошлое однажды вернётся, и всё равно позволила ему продолжать ждать?

Илья посмотрел на часы. Было без двадцати двенадцать.

Он решил, что не будет откладывать до утра. Взял телефон, нашёл номер Анны и набрал его. Девушка ответила после второго гудка. Голос у неё был сонный, но встревоженный.

— Илья? Что-то случилось?

Он долго молчал, пытаясь подобрать слова.

— Анна, мне нужно спросить тебя об одной вещи. Когда ты разбирала мамины вещи, ты находила письма от человека по имени Андрей Крылов?

На другом конце стало тихо.

— Откуда вы знаете это имя?

Илья почувствовал, как сердце ударило сильнее.

— Значит, находила.

— Я нашла одно письмо. Оно было спрятано в книге, которую мама никогда не разрешала мне трогать. Я думала, что это старое письмо от какого-то родственника. Там не было конверта, только несколько страниц. Я прочитала начало, но мама вернулась домой, увидела письмо у меня в руках и забрала его. Она сказала, что если я когда-нибудь узнаю, кто такой Андрей Крылов, то должна забыть его имя. А потом она впервые в жизни попросила меня пообещать, что я никогда не буду искать этого человека.

Илья сжал телефон.

— Что было в письме?

— Я не успела прочитать всё. Но помню последнюю фразу на первой странице. Там было написано: «Если Илья узнает, что я жив, Лиля погибнет».

Илья медленно закрыл глаза.

В комнате стало очень тихо. Даже дождь за окном, казалось, перестал стучать по стеклу.

— Анна, — произнёс он, — твоя мать умерла сегодня.

— Я знаю.

— И она знала, что я буду искать правду.

— Да.

— Тогда ответь мне на один вопрос. Ты когда-нибудь видела человека, похожего на Андрея Крылова?

Анна не ответила сразу. Илья услышал, как она встала с кровати, прошла по комнате и открыла какой-то ящик. Затем раздался тихий шорох бумаги.

— Я не знаю, похож ли он на Андрея Крылова, — сказала она. — Я никогда не видела его фотографии. Но примерно три года назад мама вернулась из поездки и сказала, что встретила человека, которого не надеялась увидеть снова. Она была очень бледной. Я спросила, кто это, а она ответила, что он умер много лет назад.

— И ты ей поверила?

— Да. Почему я должна была не верить собственной матери?

Илья посмотрел на футляр.

— Потому что, Анна, иногда самые страшные тайны хранят не враги. Их хранят люди, которые любят нас.

Он отключился и долго сидел неподвижно. Перед ним лежали письма Лили, фотография отца, документы Веры Николаевны и футляр, который соединял все эти истории в одну. Он мог бы открыть аудиокассету прямо сейчас. Мог бы попытаться найти старый магнитофон, услышать голос Лили и узнать, что она хотела сказать ему перед смертью. Но он боялся, что запись даст ему ответы, после которых он уже никогда не сможет вспоминать её так, как прежде.

Илья взял кольцо и положил его на ладонь.

Серебро потускнело от времени. На внутренней стороне сохранились две маленькие буквы, которые он когда-то выгравировал сам: «И. Л.». Илья провёл по ним пальцем, вспоминая, как Лиля улыбнулась, когда впервые увидела подарок. Тогда они были молоды и уверены, что у них впереди целая жизнь. Они думали, что самое трудное — убедить родителей, найти работу, накопить денег, построить дом и научиться жить вместе. Им даже в голову не приходило, что однажды их разлучат люди, которые будут утверждать, что делают это ради их счастья.

Он положил кольцо обратно в футляр.

Потом достал телефон и набрал номер, который помнил наизусть, хотя не звонил по нему много лет.

Номер Андрея Крылова.

Разумеется, никто не ответил. Этот номер давно перестал существовать. Илья знал это. Но он всё равно поднёс телефон к уху, словно в глубине души надеялся услышать знакомый голос, шутку, вопрос о делах или привычное: «Ну что, старик, опять всё усложняешь?»

Вместо этого раздался механический голос оператора.

Илья отключил вызов.

Он не заметил, как на экране появилось новое сообщение. Оно пришло с того же неизвестного номера, что и предыдущее.

«Не включайте запись. Если услышите голос Лили, вы узнаете, почему Андрей должен был умереть».

Илья перечитал сообщение.

Затем поднял глаза на фотографию, где его отец стоял рядом с Лилей и Сергеем Беловым. На мгновение ему показалось, что он наконец понял выражение лица отца. Это была не улыбка человека, который счастлив. Это была улыбка человека, который уже принял решение и теперь пытался убедить себя, что поступает правильно.

Илья убрал телефон в карман.

Всю жизнь он думал, что самое страшное в безответной любви — это любить человека, который не может ответить тебе тем же. Потом он решил, что страшнее потерять этого человека навсегда. Теперь он начинал понимать, что существует нечто ещё более жестокое: узнать, что тот, кого ты любил, возможно, любил тебя тоже, но позволил тебе страдать не потому, что не мог быть рядом, а потому, что боялся правды.

Он посмотрел на часы.

Было почти полночь.

За окном медленно гасли огни соседних домов. В какой-то квартире напротив женщина закрыла шторы, в другой мужчина выключил телевизор. Люди готовились ко сну, обнимали близких, целовали детей, желали друг другу спокойной ночи. Они не знали, что где-то в городе человек только что обнаружил письмо, написанное другом через восемнадцать лет после его официальной смерти.

Илья снова открыл футляр и достал кассету.

Он не собирался слушать её сегодня. По крайней мере, так он говорил себе. Но затем вспомнил, что Лиля умерла, и никакая запись уже не сможет причинить ей боль. Она не услышит его вопросов, не увидит, как он плачет, не сможет отвернуться или попросить оставить всё как есть. У него больше не было возможности спросить её, почему она ушла, почему молчала, почему позволила ему ждать двадцать семь лет.

Оставался только её голос.

Илья нашёл в кладовой старый кассетный магнитофон, который хранил после смерти матери. Устройство давно не использовалось, но после нескольких попыток он сумел подключить его к розетке. Механизм тихо загудел. Илья вставил кассету, нажал кнопку воспроизведения и сел перед столом, не сводя глаз с маленького динамика.

Сначала раздался шорох. Затем — слабое дыхание.

И голос Лили.

— Илья, если ты слышишь эту запись, значит, я уже не смогу попросить у тебя прощения. Я долго думала, что никогда не расскажу тебе всего. Я убеждала себя, что молчание спасёт тебя, что ты сможешь прожить жизнь без этой правды и однажды забудешь меня. Но я ошибалась. Ты не забыл. И я не забыла.

Она замолчала. На записи послышался звук, словно Лиля передвинула стул или положила руку на стол.

— Есть кое-что, чего ты не знаешь о той ночи, когда погиб Андрей. Я не просто была с ним. Я видела человека, который вышел из машины после аварии. Я слышала, как он сказал, что всё закончено. А потом он повернулся ко мне и произнёс твоё имя.

Илья почувствовал, как пальцы сами собой вцепились в край стола.

Голос Лили продолжал звучать из динамика:

— Я узнала этого человека сразу. Я знала его всю жизнь. И именно поэтому не смогла рассказать тебе правду. Потому что если бы ты узнал, кто стоял рядом с телом Андрея в ту ночь, ты бы понял, что всё, во что ты верил, было ложью. Ты бы перестал любить своего отца. Ты бы начал искать виновного. И тогда погиб бы не только Андрей.

Запись оборвалась.

Илья несколько секунд смотрел на магнитофон, не понимая, что произошло. Кассета продолжала вращаться, из динамика доносился слабый шорох. Он нажал кнопку остановки, затем снова воспроизведения, надеясь, что запись продолжится.

Но больше ничего не прозвучало.

Он осторожно вынул кассету и перевернул её. На второй стороне была ещё одна наклейка. На ней стояла дата, написанная почерком Лили:

«23 августа 1999 года».

Илья посмотрел на дату и почувствовал, как кровь отливает от лица.

Лиля записала это в день, когда уехала из города.

Значит, она знала, что произошло с Андреем, ещё до того, как исчезла.

И она знала, кто стоял возле его тела.

Илья снова вставил кассету, перевернул её другой стороной и нажал воспроизведение.

На этот раз голос Лили прозвучал почти сразу. Он был моложе, звонче, в нём ещё не было той усталости, которую Илья слышал в больнице.

— Если ты когда-нибудь узнаешь правду, Илья, пожалуйста, не ненавидь меня. Я сделала то, что считала единственным способом спасти тебя. Но если бы я могла вернуться в ту ночь, я бы поступила иначе. Я бы пришла к тебе. Я бы рассказала всё. И пусть бы ты сам решил, что делать дальше.

Послышался долгий вздох.

— Я люблю тебя. И, наверное, буду любить всегда. Но есть одна вещь, которую ты должен знать. Андрей не погиб из-за случайности. Он погиб, потому что отказался молчать. А человек, который заставил его замолчать, был…

Запись оборвалась снова.

Илья резко нажал кнопку перемотки. Кассета дёрнулась, магнитофон щёлкнул и замолчал. Он попробовал включить воспроизведение ещё раз, но плёнка зажевалась. Илья осторожно открыл крышку, вынул кассету и увидел, что лента порвалась.

Последних слов он так и не услышал.

Он сидел неподвижно, держа кассету в руках. На столе лежало кольцо, которое он когда-то подарил Лиле. Рядом — письмо Андрея с датой 2017 года. В телефоне оставалось сообщение с неизвестного номера. А перед глазами стояло лицо отца, каким оно было на фотографии, сделанной за несколько дней до смерти Андрея.

Илья вдруг понял, что эта история не закончилась двадцать семь лет назад. Она продолжалась всё это время, медленно и неумолимо, переходя от одного человека к другому, словно болезнь, которую никто не хотел признавать.

И теперь она пришла за ним.

Он поднялся, подошёл к окну и посмотрел на тёмную улицу. Внизу, возле подъезда, стоял человек в длинном пальто. Он не двигался и смотрел прямо на окна квартиры Ильи.

Илья не мог разглядеть его лица, но почему-то был уверен, что этот человек ждал именно его.

Телефон снова завибрировал.

На экране появилось последнее сообщение:

«Теперь вы знаете достаточно, чтобы понять, почему Лиля умерла. Но вы ещё не знаете, почему она выбрала именно вас».

Илья поднял голову.

Человек у подъезда исчез.

А на столе, рядом с открытым футляром, лежала фотография, которой там раньше не было.

На снимке были трое: молодой Андрей Крылов, Лиля и мужчина, которого Илья узнал мгновенно.

Это был он сам.

Только фотография была сделана двадцать семь лет назад, в ночь смерти Андрея.

И на обороте стояла надпись:

«Если ты читаешь это, значит, мы всё-таки не смогли уберечь тебя от того, кем ты был».

Глава 4. Фотография человека, которого там не было

Илья не спал до рассвета.

Он сидел за письменным столом, не включая верхний свет, и смотрел на фотографию, которая появилась неизвестно откуда. В какой-то момент ему даже пришла в голову нелепая мысль, что он мог сам достать её из конверта, рассмотреть, а потом забыть об этом. Усталость, потрясение, смерть Лили, бессонные ночи последних дней — всё это могло сыграть с ним злую шутку. Человеческая память вообще была странной вещью. Она не столько хранила прошлое, сколько каждый раз заново собирала его из обрывков, догадок и чувств. Иногда человек был совершенно уверен, что помнит событие во всех подробностях, а спустя годы выяснялось, что часть воспоминаний принадлежала чужим рассказам, часть была додумана, а часть никогда не происходила.

Илья знал это как профессионал. Он занимался проектированием зданий и привык проверять каждый размер, каждую отметку, каждое пересечение конструкций. На стройке нельзя было позволить себе сказать: «Мне кажется, стена должна стоять здесь». Нужно было открыть чертёж, сверить координаты, проверить исходные данные и только после этого принимать решение. Но сейчас перед ним лежало доказательство, которое не укладывалось ни в один чертёж его жизни. На фотографии он действительно был похож на самого себя, только моложе почти на тридцать лет. Та же линия подбородка, тот же разрез глаз, та же небольшая складка между бровями, появлявшаяся, когда он хмурился. Даже одежда казалась знакомой: тёмная куртка, которую он носил в институтские годы, и светлая рубашка, купленная матерью к его дню рождения.

Однако Илья прекрасно помнил, где находился в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа 1999 года. По крайней мере, он был уверен, что помнит.

Вечером двадцать второго он вернулся домой после работы. Отец тогда попросил его заехать к одному из заказчиков, чтобы передать документы, а потом позвонил и сказал, что сам заберёт бумаги на следующий день. Илья остался дома, поужинал с матерью, посмотрел телевизор и около одиннадцати вышел прогуляться. Он хотел позвонить Лиле, но передумал, решив, что уже слишком поздно. Вернулся ближе к полуночи, лёг спать и утром узнал о гибели Андрея.

Эта последовательность событий была простой и ясной. Он помнил кухонные часы, которые спешили на семь минут. Помнил, как мать убирала со стола тарелки, как отец заглянул в комнату и спросил, не собирается ли он куда-нибудь. Помнил даже, что перед сном долго искал вторую перчатку, потому что утром собирался ехать на работу на мотоцикле. Такие детали не могли быть выдумкой. Они существовали в его памяти слишком отчётливо.

И всё же фотография утверждала обратное.

На ней он стоял рядом с Лилей и Андреем возле старого корпуса городской больницы. Андрей держал в руке какой-то лист бумаги. Лиля смотрела прямо в объектив, но её лицо было напряжённым, почти испуганным. Сам Илья стоял чуть позади них и смотрел не на фотографа, а куда-то в сторону, словно услышал чей-то голос. На заднем плане виднелась часть автомобиля, а возле входа в здание стоял человек в тёмном пальто. Его лица не было видно, но Илья узнал часы с широким металлическим браслетом.

Сергей Белов.

На обороте стояла дата: 23 августа 1999 года. Ниже была надпись: «Если ты читаешь это, значит, мы всё-таки не смогли уберечь тебя от того, кем ты был».

Илья снова перевернул фотографию.

«Кем ты был».

Не «кем ты стал». Не «что ты сделал». Именно «кем ты был», словно речь шла о человеке, который существовал когда-то, а потом исчез, оставив после себя лишь чужие воспоминания.

Он достал телефон и сделал несколько снимков фотографии с разных ракурсов. Затем приблизил изображение, пытаясь рассмотреть детали. На краю кадра виднелась табличка с номером корпуса. Часть цифр была закрыта плечом Андрея, но две последние читались достаточно ясно. Илья вспомнил, что в 1999 году больница состояла из нескольких старых зданий, и нужный корпус уже давно снесли. На его месте теперь находился диагностический центр. Если фотография была настоящей, то её можно было датировать не только по лицам, но и по самому зданию.

Он открыл ящик стола, достал увеличительное стекло и снова принялся изучать снимок. Бумага была старой, на поверхности имелись мелкие царапины, а края слегка потемнели. Однако это ещё ничего не доказывало. Фотографию могли напечатать недавно с цифрового изображения, намеренно состарить или обработать так, чтобы она выглядела старой. В эпоху, когда изображения можно было создавать и изменять практически без ограничений, доверять одному снимку было бы наивно.

Но если это подделка, зачем кому-то понадобилось создавать фотографию, на которой он сам изображён рядом с погибшим другом?

И главное — почему Лиля, Андрей и Сергей оказались возле больницы в ту ночь?

Илья достал все документы, которые принесла Вера Николаевна, и разложил их по датам. На одном листе было указано время телефонного разговора между отцом и Андреем. На другом находились сведения об аварии. В третьем документе фигурировал неизвестный автомобиль, замеченный возле больницы. Почерк на нескольких записях принадлежал отцу Ильи, но одна короткая фраза была написана другой рукой: «В случае отказа действовать согласно первоначальному плану — немедленно сообщить С. Б.».

С. Б.

Сергей Белов.

Илья провёл ладонью по лицу. Он чувствовал, что приближается к чему-то важному, но чем больше находил, тем меньше понимал. Каждая новая улика открывала дверь, за которой находились ещё три закрытые двери. Он привык работать с проблемами, которые можно было разобрать на отдельные задачи. Здесь же всё было связано со всем: смерть Андрея, исчезновение Лили, странное поведение отца, молчание Веры Николаевны, тайны Сергея Белова и неизвестный человек, который продолжал следить за ним спустя двадцать семь лет.

Он посмотрел на часы. Было почти шесть утра.

В семь открывалась мастерская, где ещё несколько лет назад ремонтировали старую аудиотехнику. Илья помнил её владельца — пожилого мастера, который умел восстанавливать магнитофоны, кассетные плееры и даже катушечные аппараты. Если кассета Лили содержала важную запись, он должен был попытаться восстановить её. Возможно, оторванная часть плёнки сохранилась. Возможно, можно было прочитать хотя бы несколько последних секунд.

Илья аккуратно положил кассету в пластиковый футляр, завернул фотографию в чистый лист бумаги и собрал документы. Металлический футляр он оставил на столе. Прежде чем выйти, ещё раз посмотрел на надпись на фотографии.

«От того, кем ты был».

Он не знал, кто написал эти слова. Но впервые за много лет ему захотелось узнать не только правду о Лиле и отце. Ему захотелось узнать правду о самом себе.

Мастерская находилась в полуподвальном помещении старого дома, неподалёку от вокзала. На двери висела выцветшая табличка с надписью «Ремонт аудио- и видеотехники». Илья помнил, что хозяина звали Павел Матвеевич. Когда-то он ремонтировал магнитофон, принадлежавший его отцу, и тогда они разговаривали почти час о старой аппаратуре. Павел Матвеевич утверждал, что у каждого механизма есть собственная логика и что даже поломка редко

возникает совершенно случайно. Нужно лишь понять, где именно нарушилась последовательность действий.

Илья постучал в дверь.

Ответа не последовало. Он постучал ещё раз, затем попробовал ручку. Дверь оказалась незапертой. Внутри пахло пылью, нагретым металлом и машинным маслом. За стойкой стоял пожилой мужчина в сером свитере и разбирал какой-то старый проигрыватель. Он поднял голову, прищурился и некоторое время смотрел на Илью, пытаясь вспомнить его лицо.

— Илья Воронов? — наконец спросил он.

— Да. Вы меня помните?

— Конечно. Ты ещё совсем молодым был, когда приходил сюда с отцом. Он тогда приносил кассетный магнитофон, а ты всё спрашивал, можно ли восстановить запись после того, как лента порвалась. Я сказал, что можно, если сохранился материал и повреждение не слишком сильное. А ты ответил, что запись важнее самого аппарата.

Илья удивился. Он не помнил этого разговора, но слова звучали так, словно он действительно мог произнести их в молодости.

— Мне нужно восстановить одну кассету.

Он положил на стойку пластиковый футляр.

Павел Матвеевич открыл его и осторожно достал кассету. Когда он увидел надпись «Лиля», его лицо изменилось. Он быстро взглянул на Илью, потом снова на кассету.

— Где ты её взял?

Илья почувствовал знакомый холод внутри.

— Вы знаете эту запись?

— Нет. Но я знаю почерк.

— Чей?

Павел Матвеевич не ответил. Он подошёл к двери, выглянул на улицу, затем вернулся и опустил жалюзи на маленьком окне. После этого закрыл входную дверь на ключ.

— Илья, я должен спросить тебя кое о чём. Ты уже слушал эту кассету?

— Да.

— И что услышал?

— Голос Лили. Она говорила об Андрее, о смерти моего друга и о человеке, который стоял рядом с его телом. Потом запись оборвалась.

Павел Матвеевич медленно сел на табурет.

— Значит, всё-таки настал этот день.

— Какой день?

Старик долго смотрел на кассету, словно видел перед собой не пластиковый предмет, а собственное прошлое.

— Твой отец приходил ко мне в конце августа 1999 года. Он принёс точно такую же кассету. Сказал, что она повреждена и что её нужно восстановить. Я спросил, почему он не обратился в обычную мастерскую, а он ответил, что не хочет, чтобы о записи узнали посторонние. Я восстановил ленту. Но когда включил её, услышал голос человека, который просил о помощи.

— Чей голос?

— Андрея Крылова.

Илья резко встал.

— Вы слышали запись Андрея?

— Да.

— Что он говорил?

Павел Матвеевич потёр лоб.

— Я не должен был слушать. Твой отец просил только восстановить запись, и я не собирался вмешиваться. Но кассета застряла в аппарате, и мне пришлось проверить, удалось ли

сохранить материал. Я услышал несколько фраз. Андрей говорил, что не виноват, что не хотел, чтобы всё произошло именно так, что Лиля ничего не знает. А потом назвал имя твоего отца.

Илья почувствовал, что ноги становятся ватными.

— Что он сказал об отце?

— Я не помню дословно. Прошло много лет. Но он говорил, что Виктор должен остановить всё, пока не стало поздно. И ещё он сказал: «Если Илья узнает, он никогда не сможет вернуться».

— Вернуться куда?

— Этого я не знаю.

— А что вы сделали с кассетой?

Павел Матвеевич опустил глаза.

— Отдал твоему отцу. Он заплатил за ремонт и попросил меня забыть о записи. Я так и сделал. По крайней мере, пытался. Через несколько дней я узнал, что Андрей погиб. А потом ко мне пришёл незнакомый мужчина и сказал, что я должен помнить: иногда лучше не знать, что именно ты слышал. Я понял, что речь идёт о той кассете, и больше никогда не возвращался к этой истории.

Илья медленно сел.

Он не мог обвинять старика. Тот боялся, как боялись все остальные. Каждый человек, который сталкивался с тайной, пытался сохранить хотя бы маленький участок собственной жизни, где можно было спокойно спать, работать, растить детей и не думать о том, что за дверью может стоять кто-то, знающий слишком много. Но Илья уже не мог позволить себе такую роскошь. Его собственная жизнь оказалась построена на молчании людей, которые когда-то решили, что правда слишком опасна.

— Вы сможете восстановить мою кассету?

Павел Матвеевич посмотрел на ленту.

— Попробую. Но если повреждение пришлось на тот участок, где плёнка порвалась, часть записи может быть потеряна. И ещё кое-что. Если то, что ты рассказал, правда, тебе нужно быть осторожным. Не включай запись на чужом оборудовании, не отдавай кассету незнакомым людям и никому не говори, что пришёл ко мне.

— Почему?

Старик горько усмехнулся.

— Потому что я не хочу снова получить телефонный звонок посреди ночи.

Он отнёс кассету к рабочему столу и включил настольную лампу. Илья наблюдал, как старик разбирает корпус, вытягивает повреждённую ленту, рассматривает её под увеличительным стеклом. Движения Павла Матвеевича были медленными, но уверенными. Он работал так, словно занимался не ремонтом старой кассеты, а хирургической операцией, от которой зависела жизнь человека.

Через некоторое время он поднял голову.

— Илья, скажи мне одну вещь. Ты уверен, что Лиля умерла?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Илья не сразу понял его смысл.

— Я был рядом, когда она умерла.

— Ты видел медицинское заключение?

— Нет. Но я был в палате. Она перестала дышать. Врач констатировал смерть.

Павел Матвеевич медленно кивнул.

— Тогда, возможно, я ошибся. Просто твой отец однажды сказал мне, что некоторые люди должны исчезнуть для окружающих, чтобы остаться в живых.

Илья почувствовал, как сердце ударило в грудь.

— Когда он это сказал?

— В августе 1999 года.

— И что он имел в виду?

— Я не знаю. Но после этого он попросил меня сделать копию одной записи. Не той, которую я восстанавливал. Другой. Там был женский голос. Я помню только одну фразу: «Если я исчезну, не позволяйте Илье искать меня».

Илья поднялся.

— Вы сделали копию?

— Нет. Я отказался. Сказал, что не хочу участвовать в чужих семейных делах. Твой отец забрал кассету и больше не возвращался к этому разговору.

— Вы помните, как выглядела кассета?

— Чёрный корпус, белая наклейка, надпись синей ручкой. На ней было имя.

— Какое?

Павел Матвеевич посмотрел на него.

— «Анна».

Илья почувствовал, будто кто-то ударил его по затылку.

Анна. Дочь Лили.

Но в 1999 году Анна ещё не родилась.

Он медленно опустился на табурет.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я запомнил это имя, потому что оно показалось мне странным. Твой отец сказал, что кассета предназначена для человека, которого ещё нет на свете.

В мастерской стало тихо. За стеной проехал автомобиль, затем послышались шаги по лестнице. Илья смотрел на старика и пытался понять, как всё это может быть связано. Если кассета действительно существовала в 1999 году и на ней было имя Анны, значит, кто-то знал о будущем ребёнке Лили. Но откуда? Была ли это случайная догадка? Или люди, которые участвовали в событиях тех дней, знали о Лиле больше, чем она сама?

— Вы сможете найти ту старую запись? — спросил Илья.

Павел Матвеевич покачал головой.

— Нет. Я не хранил копий. Я даже не знаю, где теперь находится первоначальная кассета. Но если твой отец оставил её у кого-то, этот человек может до сих пор быть жив.

— Сергей Белов?

Старик ничего не ответил, но его лицо изменилось настолько заметно, что Илья понял: он угадал.

— Вы знаете Сергея?

— Я видел его несколько раз. Он приходил к твоему отцу. Один раз они поссорились прямо возле моей мастерской. Сергей кричал, что Виктор не имеет права распоряжаться чужими жизнями. А твой отец ответил, что уже слишком поздно что-либо менять.

Илья встал и подошёл к окну. Сквозь щель между жалюзи пробивалась тонкая полоска утреннего света. Он чувствовал, что должен немедленно найти Сергея, потребовать объяснений, заставить его рассказать всё, что он знает. Но теперь он понимал, что поспешность может стать ошибкой. Если кто-то следил за ним, если кто-то уже знал о футляре и кассете, то любое неосторожное действие могло привести к тому, что последние доказательства исчезнут.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы восстановить запись? — спросил он.

— Несколько часов. Возможно, до вечера.

— Я оставлю кассету у вас.

Павел Матвеевич посмотрел на него с беспокойством.

— Ты уверен?

— Нет. Но другого выхода у меня пока нет.

Он оставил старика за работой и вышел на улицу. Воздух был холодным, дождь прекратился. Илья остановился у витрины соседнего магазина и посмотрел на своё отражение. Он

выглядел старше, чем несколько дней назад. Глаза были красными от бессонницы, лицо осунулось, на щеке появилась щетина. Но в его взгляде впервые за долгое время не было привычной растерянности человека, который ждёт, когда жизнь сама решит, что ему делать дальше.

Теперь он собирался действовать.

Первым делом он решил найти старые документы об аварии Андрея. Официальное расследование проводилось почти тридцать лет назад, и многие материалы могли уже не сохраниться. Но если дело действительно было закрыто по указанию отца, должны были остаться следы: протоколы, заключения, показания свидетелей, записи о телефонных звонках. Илья знал, что доступ к архивным материалам может оказаться затруднён, особенно если дело давно закрыто и документы имеют ограниченный режим доступа. Однако у него были основания добиваться проверки. И он собирался использовать каждую возможность.

Он достал телефон и набрал номер знакомого юриста, с которым когда-то работал над оформлением документов для строительного проекта. Тот ответил сонным голосом, но, услышав имя Андрея Крылова и дату аварии, быстро проснулся.

— Илья, что произошло?

— Мне нужно узнать, сохранилось ли уголовное дело по факту его гибели.

— Ты хочешь пересмотреть старое дело?

— Я хочу понять, что произошло на самом деле.

Юрист помолчал.

— Ты понимаешь, что прошло почти тридцать лет? Даже если дело сохранилось, получить материалы будет непросто. А если там действительно что-то скрывали, ты можешь столкнуться с людьми, которым не понравится твой интерес.

— Я уже столкнулся.

— Тогда скажи мне хотя бы одно. Почему ты решил заняться этим сейчас?

Илья посмотрел на фотографию, которую держал в кармане.

— Потому что моя жена не умерла. По крайней мере, я больше не уверен, что она умерла так, как мне сказали.

На другом конце повисла тишина.

— Какая жена?

Илья понял, что оговорился. Он никогда не был женат на Лиле. Но произнесённые слова неожиданно показались ему правдой. Двадцать семь лет он хранил её в себе, словно она была частью его жизни, которую невозможно отделить от всего остального. Он не имел права называть её женой, но не мог и назвать чужим человеком.

— Я объясню позже, — сказал он. — Пока просто узнай, что можно сделать.

Они договорились созвониться вечером. Илья убрал телефон и направился к остановке. Ему нужно было вернуться домой, забрать остальные документы и решить, как действовать дальше. Но, прежде чем он успел перейти дорогу, рядом остановилась машина.

Это был старый тёмно-синий седан. Водительское стекло медленно опустилось.

За рулём сидела женщина лет пятидесяти пяти с короткими седыми волосами. На ней было тёмное пальто, а на шее — светлый шарф. Она смотрела на Илью с выражением человека, который долго собирался сделать что-то трудное и наконец решился.

— Илья Воронов?

Он насторожился.

— Да.

— Меня зовут Ольга Соколова. Раньше я была Ольгой Мироновой.

Илья узнал её не сразу. Прошли десятилетия, лицо изменилось, волосы поседели, но в глазах сохранилось то же спокойствие, которое он помнил по институтским годам.

Ольга.

Девушка с фотографии, которую отец показывал Лиле.

Женщина, которую когда-то считали подходящей парой для Ильи.

— Нам нужно поговорить, — сказала она. — И я очень надеюсь, что вы не откажетесь.

Илья смотрел на неё, чувствуя, как прошлое снова сжимается вокруг него.

— О чём?

Ольга опустила глаза.

— О вашем отце. И о том, почему двадцать семь лет назад он заставил меня солгать человеку, которого вы любили.

Она открыла пассажирскую дверь.

— Садитесь. Здесь не самое подходящее место для разговора.

Илья не двинулся.

— Откуда вы знаете, что я ищу правду?

Ольга посмотрела на него. В её глазах стояли слёзы.

— Потому что вчера вечером мне позвонил Сергей Белов. Он сказал, что Лиля умерла, а вы нашли футляр. И добавил, что теперь мне придётся наконец рассказать вам то, о чём я молчала всю жизнь.

Илья медленно обошёл машину и сел рядом с ней.

Ольга закрыла дверь, но не тронулась с места. Она долго смотрела перед собой, сжимая руль обеими руками.

— Я должна была рассказать вам это ещё в 1999 году, — произнесла она. — Но ваш отец убедил меня, что если я открою рот, вы погибнете. Я была молодой, испуганной и слишком глупой, чтобы понять, что иногда молчание причиняет больше вреда, чем самая страшная правда.

— Что вы сделали?

Ольга повернулась к нему.

— Я сказала Лиле, что вы собираетесь на ней жениться.

Илья нахмурился.

— Но я никогда не собирался жениться на вас.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы это сказали?

Ольга закрыла глаза.

— Потому что ваш отец попросил меня сделать это. Он сказал, что Лиля должна поверить, будто вы уже выбрали другую женщину. Он утверждал, что иначе она не уедет, а если она останется, произойдёт нечто ужасное. Я не знала, что именно он имеет в виду. Я думала, что он просто хочет разлучить вас. Я согласилась помочь ему, потому что была влюблена в вас и надеялась, что однажды вы посмотрите на меня иначе.

Илья почувствовал, как в груди поднимается тяжёлое, почти физическое отвращение. Не к Ольге, даже не к отцу. К самой истории, в которой каждый человек пытался получить желаемое, прикрывая свои поступки заботой, любовью или страхом.

— Вы понимали, что разрушаете чужую жизнь?

— Да. Но я убеждала себя, что Лиля всё равно не останется с вами. Что вы со временем забудете её. Что однажды вы поймёте, что я лучше подхожу вам. Я была эгоисткой, Илья. Я хотела получить вас, даже если для этого требовалось отнять у вас человека, которого вы любили.

— И вы думаете, что теперь достаточно признаться?

— Нет. Я знаю, что этого недостаточно.

Ольга достала из сумки небольшой блокнот и положила на приборную панель.

— Здесь записаны имена людей, которые участвовали в событиях того августа. Некоторые из них уже умерли. Некоторые живы. Но есть одно имя, которое вы должны узнать прежде, чем встретитесь с Сергеем Беловым.

Илья открыл блокнот.

На первой странице было написано: «Август 1999. Люди, которые знали правду».

Под заголовком стояли четыре имени.

Виктор Воронов.

Сергей Белов.

Ольга Миронова.

И последнее имя, от которого Илья почувствовал, будто машина внезапно провалилась в пустоту.

Лиля Воронова.

Он перечитал имя несколько раз.

— Почему здесь написано «Воронова»?

Ольга не ответила.

— Лиля никогда не была моей женой.

— Я знаю.

— Она не брала мою фамилию. Мы даже не были помолвлены.

Ольга повернулась к нему. Её лицо было бледным, губы дрожали.

— Тогда я не понимаю, почему она была записана под этой фамилией. Но я знаю, что ваш отец хранил документ, в котором Лиля значилась вашей супругой. И на этом документе стояла дата, которая ещё не наступила.

Илья медленно закрыл блокнот.

— Какая дата?

Ольга произнесла её почти шёпотом:

— Двадцать третье августа две тысячи двадцать шестого года.

Илья посмотрел на неё, не понимая смысла услышанного.

До этой даты оставалось меньше двух месяцев.

А Лиля умерла вчера.

Ольга завела двигатель.

— Теперь вы понимаете, почему я так долго боялась? — спросила она. — Дело не только в смерти Андрея. Не только в вашем отце. Кто-то всё это время знал, что должно произойти с вами и Лилей. И этот человек оставил нам очень мало времени.

Машина медленно выехала на дорогу.

Илья смотрел на блокнот, лежавший у него на коленях, и пытался осознать невозможное. Если документ действительно существовал, если дата не была ошибкой, то кто-то заранее записал событие, которое должно было произойти через двадцать семь лет после исчезновения Лили.

Но самое страшное было не в этом.

Самое страшное заключалось в том, что в документе она уже носила его фамилию.

Илья никогда не был её мужем.

Однако кто-то, похоже, знал, что однажды они должны были им стать.

Или кто-то пытался заставить его поверить, что эта жизнь уже была прожита.

Он повернулся к Ольге.

— Куда мы едем?

— Туда, где всё началось.

— Это где?

Ольга посмотрела на дорогу.

— В дом вашего отца. Там, где он хранил документы. Я знаю, что после его смерти кабинет закрыли, а потом дом продали. Но новый владелец давно уехал, и здание несколько лет стоит пустым. Ваш отец спрятал там то, чего не мог доверить ни мне, ни Сергею Белову.

— Откуда вы знаете?

Ольга сжала руль.

— Потому что за неделю до смерти Андрей передал мне ключ.

Илья медленно повернулся к ней.

— Вы встречались с Андреем перед его гибелью?

— Да.

— И вы молчали об этом двадцать семь лет?

— Да.

— Почему?

Ольга посмотрела на него с отчаянием.

— Потому что Андрей был жив, когда я в последний раз его видела. И он попросил меня никому не говорить, что мы встречались. Даже вам.

Илья почувствовал, как всё внутри него сжалось.

— Значит, вы тоже знали.

— Я знала только то, что он сказал мне. Он утверждал, что должен исчезнуть, иначе вы никогда не сможете прожить свою жизнь. Я думала, он говорит о Лиле. Я не понимала, что он имеет в виду. А потом его объявили погибшим, и я решила, что он действительно умер.

— Но теперь вы сомневаетесь?

Ольга не ответила.

Она свернула на узкую дорогу, ведущую к старому дому. За окнами медленно проплывали заброшенные склады, пустые участки и серые стены промышленных зданий. Илья смотрел на них и думал о том, сколько раз за эти годы он проезжал мимо подобных мест, даже не подозревая, что где-то рядом может храниться правда о его собственной жизни.

Машина остановилась возле высоких металлических ворот.

За ними стоял старый двухэтажный дом с потемневшими стенами и выбитыми окнами на первом этаже. Когда-то здесь жили его родители. Здесь он рос, учился, впервые приводил Лилю на семейные праздники, ссорился с отцом и мечтал однажды построить собственный дом, в котором никто не будет решать за него, кого любить и как жить.

Теперь дом выглядел заброшенным и чужим.

Ольга достала из сумки связку ключей.

— Андрей передал их мне двадцать седьмого августа 1999 года, — сказала она. — Через пять дней после того, как его объявили погибшим.

Илья посмотрел на ключи.

— Если он был мёртв, кто передал их вам?

Ольга подняла глаза.

— Именно это я и пыталась понять все эти годы.

Она открыла ворота.

Они вошли во двор. Ветер шевелил сухую траву, возле крыльца лежали обломки кирпича. На стене сохранились следы старой таблички с номером дома. Илья остановился возле двери, коснулся рукой деревянной рамы и вдруг почувствовал, что возвращается не просто в дом своего детства. Он возвращается в место, где его жизнь, возможно, была изменена задолго до того, как он впервые понял, что значит любить.

Ольга вставила ключ в замок.

Дверь открылась с протяжным скрипом.

Внутри пахло сыростью, пылью и старой древесиной. Мебель давно вывезли, стены покрылись трещинами, а на полу лежали куски штукатурки. Они прошли через коридор и остановились возле кабинета отца.

Дверь была закрыта.

Ольга выбрала другой ключ.

Замок щёлкнул.

Илья вошёл первым.

Кабинет оказался почти пустым. На стене остались светлые прямоугольники от снятых картин, у окна стоял старый письменный стол, а в углу находился металлический сейф. На его дверце были заметны следы попыток взлома, но замок оставался целым.

Ольга подошла к столу и провела рукой по поверхности.

— Ваш отец говорил, что самое важное он никогда не хранит в сейфе. Он считал, что люди всегда ищут тайны там, где они должны находиться по правилам. Поэтому он прятал их там, где никто не догадался бы искать.

Илья осмотрел стол. Под нижней полкой обнаружилась небольшая металлическая пластина. Он надавил на неё, и часть задней стенки отодвинулась. Внутри находился узкий отсек, в котором лежала старая папка.

На обложке было написано:

«Илья Воронов. Лиля. 1999—2026».

Илья открыл папку.

На первой странице находилась копия документа о регистрации брака.

В графе «жених» стояло его имя.

В графе «невеста» — имя Лили.

Дата регистрации: 23 августа 2026 года.

Подписи выглядели настоящими.

Илья почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он перевернул страницу и увидел фотографию, на которой они с Лилей стояли возле незнакомого здания. На её руке блестело серебряное кольцо, то самое, которое он только что нашёл в футляре. Илья был старше, чем на фотографии 1999 года, почти таким, каким выглядел сейчас. Лиля тоже выглядела взрослой женщиной, но её лицо было живым, спокойным, счастливым.

На обороте стояла дата: 23 августа 2026 года.

Ольга тихо произнесла:

— Этого не может быть.

Илья не ответил. Он смотрел на последнюю страницу папки. Там находилось письмо, написанное рукой отца. Бумага была сложена вдвое, а в верхнем углу стояла дата: 22 августа 1999 года.

Илья развернул письмо.

«Сын мой.

Если ты читаешь это письмо, значит, Лиля вернулась к тебе, а я не смог удержать то, что пытался сохранить. Я не прошу тебя прощать меня. Я знаю, что не заслуживаю прощения. Но прежде чем ты осудишь меня, ты должен узнать одну вещь.

Я видел вашу свадьбу.

Не во сне и не в воображении. Я видел её так же ясно, как вижу этот лист бумаги перед собой. Я видел тебя рядом с Лилей, видел кольцо на её руке, слышал ваши голоса. Я видел, как ты плакал, когда она сказала, что любит тебя. И видел, что произошло потом.

Я не знаю, почему мне было показано это будущее. Я не знаю, кто решил, что я должен увидеть его. Но я знаю, что если вы останетесь вместе, один из вас погибнет.

Я пытался изменить то, что видел. Я думал, что смогу спасти тебя, если заставлю Лилю уехать. Я думал, что смогу остановить Андрея, если заставлю его молчать. Я думал, что смогу исправить всё, если возьму ответственность на себя.

Но я ошибся.

Если ты читаешь это письмо, значит, я уже не смогу объяснить тебе, почему сделал то, что сделал.

Прости меня, сын.

И никогда не пытайся узнать, кто из вас должен был умереть».

Илья медленно опустил письмо.

За окном шумел ветер. В пустом доме скрипнула половица, словно кто-то прошёл по коридору. Ольга стояла неподвижно, закрыв рот ладонью. Илья смотрел на дату в верхнем углу письма.

22 августа 1999 года.

За день до того, как Лиля уехала.

За день до того, как его отец начал скрывать правду.

За день до того, как Андрей исчез из его жизни.

Илья поднял голову.

— Ольга, — произнёс он. — Вы сказали, что Андрей передал вам ключи через пять дней после своей смерти.

— Да.

— А теперь мы нашли документ, датированный двадцать третьим августа 2026 года. Документ, который не мог существовать в 1999 году, но почему-то хранился здесь всё это время.

Ольга медленно кивнула.

— Да.

— Значит, либо кто-то подделал всё это, либо мой отец действительно знал, что произойдёт через двадцать семь лет.

— Но как он мог знать?

Илья посмотрел на фотографию, где они с Лилей стояли рядом, словно прожили вместе долгую и счастливую жизнь.

— Я не знаю. Но теперь я понимаю, почему все боялись, что я узнаю правду.

Он перевернул последнюю страницу папки.

На ней было написано всего одно предложение:

«Если Илья всё-таки прочитает это письмо, значит, Андрей не смог остановить его. Тогда единственный способ спасти Лилю — найти её сына».

Илья застыл.

— Какого сына? — прошептала Ольга.

Он не ответил.

Потому что в этот момент в коридоре раздались шаги.

Медленные, тяжёлые, уверенные.

Кто-то вошёл в дом.

Илья повернулся к двери кабинета. В проёме появился мужчина в тёмном пальто. Его лицо было бледным, волосы почти полностью седыми, а на запястье блестели часы с широким металлическим браслетом.

Сергей Белов.

Он посмотрел на Илью, затем на папку, лежавшую на столе.

— Вы не должны были открывать её, — сказал он.

Илья шагнул вперёд.

— Кто такой сын Лили?

Сергей закрыл дверь за собой.

Несколько секунд он молчал. Затем посмотрел Илье прямо в глаза и произнёс:

— Ваш сын.

Илья не сразу понял смысл этих слов.

— Что?

— У Лили был ребёнок. Она родила его через несколько месяцев после своего отъезда. Илья, вы были отцом этого ребёнка.

В комнате стало так тихо, что Илья услышал собственное дыхание.

— Нет, — сказал он. — Этого не может быть.

Сергей не отвёл взгляда.

— Она не сказала вам, потому что думала, что так спасёт вас. Но ребёнок выжил. Его забрали люди, которые должны были защитить его. И все эти годы он жил под другим именем.

Илья схватился за край стола.

— Где он сейчас?

Сергей опустил голову.

— Именно это мы и должны были выяснить двадцать семь лет назад.

— Где мой сын?!

Сергей поднял глаза. В них не было ни страха, ни жалости. Только глубокая усталость человека, который слишком долго нёс на себе чужую тайну.

— Он умер вчера, Илья.

Илья отступил на шаг.

— Нет.

— Я получил сообщение этой ночью. Он умер в той же больнице, где умерла Лиля. За несколько часов до неё.

Илья смотрел на Сергея, не в силах произнести ни слова.

— Его звали Андрей Крылов, — продолжил Сергей. — Но это было не его настоящее имя.

Илья почувствовал, как мир вокруг него начинает рушиться.

Андрей был его лучшим другом.

Андрей погиб в августе 1999 года.

Андрей оставил письмо, датированное 2017 годом.

И теперь Сергей утверждал, что Андрей был его сыном.

Но если это правда, то кто же тогда погиб в той машине двадцать семь лет назад?

Сергей медленно подошёл к столу и положил перед Ильёй ещё одну фотографию.

На ней был молодой мужчина, очень похожий на Андрея, но с глазами Лили.

На обороте стояла надпись:

«Настоящее имя: Михаил Воронов. Родился 17 апреля 2000 года».

Илья поднял голову.

— Вы сказали, что он умер вчера. Но Андрей погиб в 1999 году.

Сергей посмотрел на него.

— Потому что в той машине погиб не Андрей.

Он сделал паузу, словно собирался с силами, и произнёс:

— В той машине погиб человек, который должен был стать вами.

Илья почувствовал, как подкашиваются ноги.

— Что вы имеете в виду?

Сергей положил на стол последнюю фотографию.

На ней были два человека, стоявшие рядом у больничного входа. Один из них был Андрей. Второй — Илья.

Но на снимке Илья выглядел старше, чем в 1999 году. Он был одет в ту же куртку, которую носил в институте, и смотрел в объектив с выражением человека, который только что узнал, что его жизнь никогда не принадлежала ему.

На обороте стояла дата:

«23 августа 1999 года. За несколько часов до первой смерти».

Сергей медленно произнёс:

— Илья, вы должны понять одну вещь. В ту ночь погиб не Андрей. В ту ночь погибла ваша прежняя жизнь. А человек, которого вы называете собой, появился на свет только после этого.

Илья смотрел на фотографию, не понимая, что именно видит.

Но одно он понял совершенно ясно.

Всё, что он знал о своей жизни, могло оказаться ложью.

И самое страшное было в том, что Лиля, возможно, любила не того человека, которым он был на самом деле.

ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ

— Повторите, — произнёс Илья.

Он стоял посреди кабинета отцовского дома и смотрел на Сергея Белова так, словно перед ним находился не человек, а последняя дверь, за которой скрывалось объяснение всей его жизни. За окнами медленно темнело. Старые рамы дрожали от ветра, и где-то наверху, под крышей, мерно скрипела балка. На письменном столе лежали фотографии, пожелтевшие документы и письмо, которое Виктор Воронов написал за двадцать семь лет до того, как его сын решился узнать правду.

— В той машине погиб человек, который должен был стать вами, — повторил Сергей.

— Вы понимаете, что говорите? Мне пятьдесят с лишним лет. Я помню своё детство, школу, университет, первую работу. Я помню похороны отца. Я помню Андрея. И я помню Лилю. Какой ещё человек должен был стать мной?

Сергей не ответил сразу. Он снял очки, протёр их краем пиджака и снова надел. Этот жест показался Илье до боли знакомым. Отец делал точно так же, когда собирался сообщить нечто неприятное и хотел выиграть несколько секунд.

— Вы всё время думаете, что речь идёт о возрасте, — сказал Сергей. — Но я говорю не о рождении тела. Я говорю о рождении личности. О том, кто вы есть на самом деле и почему всю жизнь принимали за собственную историю то, что вам рассказывали другие.

— Вы хотите сказать, что меня подменили в детстве?

— Нет.

— Тогда что?

— Я хочу сказать, что двадцать седьмого августа 1999 года вы должны были умереть.

Илья почувствовал, как внутри него что-то оборвалось.

— Но я жив.

— Именно это и стало нашей главной проблемой.

Илья шагнул к Сергею и схватил его за лацкан пиджака.

— Хватит говорить загадками! Лиля умерла вчера. Я похоронил женщину, которую любил почти всю жизнь. Она оставила мне письмо, после которого я уже не могу вернуться к прежнему существованию. Вы утверждаете, что мой отец погиб не случайно, что Андрей, которого я считал мёртвым двадцать семь лет, мог быть жив, а теперь говорите, будто я сам должен был умереть. Если вы знаете правду, скажите её целиком! Или я клянусь, что вы не выйдете отсюда, пока не объясните всё до последнего слова!

Сергей не попытался освободиться. Он лишь посмотрел на руку Ильи, сжавшую его пиджак, и тихо произнёс:

— Вот это выражение лица я видел у вашего отца в последний вечер его жизни. Он тоже хотел получить все ответы сразу. И тоже думал, что, если узнает правду, сможет всё исправить.

— Не смейте сравнивать меня с ним!

— Почему? Вы ведь так похожи.

Илья разжал пальцы. Сергей поправил пиджак и подошёл к столу.

— Сядьте. Я расскажу вам то, что должен был рассказать много лет назад. Но сначала вы должны понять одну вещь. Не верьте всему, что написано в этой папке. Даже если документ выглядит настоящим. Особенно если он выглядит настоящим.

Илья медленно опустился на стул.

— Вы сами принесли меня сюда, показали фотографии, назвали имена. А теперь предлагаете не верить документам?

— Я предлагаю не верить им слепо. Некоторые подлинные бумаги содержат ложь. Некоторые поддельные документы подтверждают настоящие события. А некоторые фотографии показывают то, чего никогда не происходило.

Сергей вынул из папки лист с копией свидетельства о регистрации брака Ильи и Лилии, датированного двадцать третьим августа 2026 года.

— Вы уже видели эту бумагу. Как вы думаете, почему здесь указана дата, когда Лиля была ещё жива?

— Не знаю.

— Потому что документ составили заранее. Но зарегистрирован ли этот брак в действительности, мы пока не знаем. Вполне возможно, что перед вами всего лишь подделка. Ваш отец умел создавать документы, которые выглядели убедительно. У него были связи, деньги и люди, готовые выполнить любой приказ.

— Зачем ему понадобилось подделывать свидетельство о моём браке с Лилей?

— Вот это мы и должны выяснить.

Илья посмотрел на фотографию, лежавшую рядом. На ней он и Лиля стояли у какого-то старого здания. Они были старше, чем на снимках девяностых годов, но моложе, чем в последние годы жизни. Лиля улыбалась, прижимаясь к его плечу. На её руке блестело кольцо.

Фотография была настолько убедительной, что Илья уже несколько раз ловил себя на мысли: он помнит этот день. Помнит запах мокрой листвы, холодный ветер, её ладонь в своей руке. Но стоило попытаться восстановить подробности, как воспоминание рассыпалось. Он не мог вспомнить, где находился, кто сделал снимок и что произошло за минуту до него.

— А эта фотография? — спросил он. — Вы хотите сказать, что и её подделали?

— Не знаю.

— Тогда зачем вы показываете её мне?

— Потому что на обороте есть надпись, сделанная рукой Лили.

Илья перевернул фотографию.

Там действительно были слова, написанные знакомым почерком:

«Если однажды ты увидишь эту фотографию и не вспомнишь этот день, не пытайся заставить себя вспомнить. Значит, кто-то уже сделал это за тебя».

Илья перечитал надпись несколько раз.

— Что это означает?

— Возможно, Лиля подозревала, что ваши воспоминания о некоторых событиях были изменены. Возможно, она знала, что вы способны забыть то, что произошло на самом деле. А возможно, это ещё одна попытка заставить вас поверить в то, чего не было.

— Воспоминания нельзя просто взять и изменить, — возразил Илья.

— Разумеется, нельзя по щелчку пальцев стереть целую жизнь. Но можно заставить человека поверить в ложную версию события. Можно скрыть от него важные обстоятельства. Можно годами повторять одну и ту же историю, пока она не станет частью его личной памяти. А можно использовать травму, страх, чувство вины и доверие к близким людям. Человеку не обязательно лгать самому себе сознательно. Иногда достаточно, чтобы кто-то другой годами лгал ему.

Илья опустил фотографию.

Он вспомнил отца. Тот редко рассказывал о прошлом, но всегда говорил уверенно. Его слова не предполагали возражений. Если Виктор утверждал, что событие произошло определённым образом, окружающие принимали его версию. Если кто-то сомневался, отец не спорил. Он просто прекращал разговор, и собеседнику становилось неловко за собственные вопросы.

В детстве Илья считал это признаком силы.

Теперь он впервые задумался, не было ли это признаком страха.

— Расскажите мне о двадцать седьмом августа 1999 года, — попросил он. — Только без загадок. Что произошло в тот день?

Сергей посмотрел на часы.

— В тот день погиб Андрей Крылов. По крайней мере, так было записано в официальных документах. Его автомобиль нашли после аварии на загородной дороге. Машина загорелась. Тело опознали по личным вещам и документам. Ваш отец присутствовал при опознании.

— Я знаю. Мне сообщили, что Андрей погиб.

— Вам сообщили, что погиб ваш друг. Но вам не показали тело. Вы не присутствовали при опознании. На похоронах гроб был закрытым.

Илья нахмурился.

— Мне тогда сказали, что тело сильно пострадало при пожаре.

— Именно. И это было правдой. Но правдой было и другое: тело принадлежало не Андрею.

В комнате стало тихо.

Илья слышал собственное дыхание. Он смотрел на Сергея и пытался понять, зачем человек, который двадцать семь лет скрывал правду, вдруг решил открыть её теперь.

— Кто погиб в той машине?

— Мы не знали наверняка. Документы указывали на Андрея. Однако позднее выяснилось, что документы были оформлены с нарушениями. Экспертизу провели поспешно, некоторые материалы исчезли, а первоначальное заключение заменили другим. Ваш отец добился того, чтобы дело закрыли как обычную дорожную аварию.

— Значит, Андрей мог остаться жив?

— Да.

Илья закрыл глаза.

Перед ним возникло лицо друга. Андрей смеялся громче всех, говорил быстрее, чем думал, и всегда появлялся именно тогда, когда Илья меньше всего хотел кого-либо видеть. В университете они были почти неразлучны. Андрей первым познакомился с Лилей и первым понял, что Илья влюблён в неё. Он шутил над ним, подталкивал к признанию, а потом однажды сказал: «Если ты не скажешь ей сам, я расскажу. Потому что смотреть, как ты мучаешься, уже невозможно».

Илья так и не признался.

Он всегда считал, что ещё успеет.

— Если Андрей был жив, почему он не вернулся? — спросил Илья.

— Потому что после той ночи он перестал быть Андреем Крыловым.

— Что за бессмыслица?

— Это не бессмыслица. Это следствие того, что произошло. У него появились другие документы, другое имя и другая жизнь. Он не мог вернуться, не разрушив всё, что мы пытались сохранить.

— Кто мы?

— Ваш отец. Я. Ольга. И Лиля.

Илья медленно поднял голову.

— Лиля знала, что Андрей жив?

Сергей не ответил.

— Вы слышите мой вопрос?

— Слышу.

— Она знала?

— Да.

Слово прозвучало негромко, но Илья ощутил его так, будто Сергей ударил его по лицу.

Лиля знала.

Женщина, которой он посвятил лучшие годы своей жизни. Женщина, которую он продолжал любить, даже когда она выбрала другого. Женщина, чья смерть оставила в нём пустоту, которую он считал окончательной. Она знала, что их друг мог быть жив, и молчала.

— Почему? — спросил он.

Сергей опустил глаза.

— Потому что Андрей был связан с тем, что произошло с вашим отцом.

— Он убил его?

— Я не знаю.

— Вы только что сказали, что всё объясните!

— Я обещал рассказать правду, а не выдать вам удобного виновного. Андрей мог быть причастен к событиям, которые привели к смерти Виктора. Но я не могу утверждать, что он убил его собственными руками.

— Кто тогда убил моего отца?

— Возможно, никто не собирался убивать его в тот вечер. Иногда преступление начинается не с намерения лишить человека жизни, а с желания заставить его замолчать, запугать или остановить. Потом происходит нечто непредвиденное, и каждый участник начинает спасать уже не другого человека, а самого себя.

Илья отвернулся к окну.

Ему вдруг захотелось оказаться где-нибудь далеко от этого дома, от бумаг, фотографий и мёртвых людей, которые продолжали управлять жизнью живых. Он хотел вернуться в тот мир, где смерть отца была несчастным случаем, Андрей погиб в автомобильной аварии, а Лиля просто не ответила на его любовь.

Тот мир был жестоким, но понятным.

Новый мир был страшнее, потому что в нём не существовало ни одной надёжной опоры.

— Вы сказали, что в той машине погиб человек, который должен был стать мной, — произнёс Илья. — Что вы имели в виду?

Сергей вынул из внутреннего кармана небольшой конверт.

— Это письмо вашего отца. Он передал его мне за несколько часов до своей смерти. Я должен был уничтожить его после того, как убедился бы, что Лиля навсегда ушла из вашей жизни.

— И вы не уничтожили?

— Не смог.

— Почему?

— Потому что в какой-то момент понял: ваш отец ошибался. Он считал, что, скрывая правду, спасает вас. Но чем больше он скрывал, тем больше людей оказывались втянутыми в его ложь. А потом стало поздно что-либо исправлять.

Сергей протянул конверт.

На нём стояло имя: «Илье».

Почерк был отцовским. Илья узнал его мгновенно — тот самый уверенный почерк, которым Виктор подписывал школьные дневники сына, поздравительные открытки и документы, не терпевшие возражений.

Илья вскрыл конверт.

Внутри лежал один лист.

«Сын.

Если ты читаешь это письмо, значит, Сергей нарушил мою последнюю просьбу. Не вини его. Я сам сделал так, что молчание стало для него единственным способом сохранить жизнь.

Ты всегда считал, что я пытался управлять твоим будущим. Это правда. Но ты не знаешь главного: я боялся не того, что ты выберешь неправильную женщину или профессию. Я боялся, что однажды ты узнаешь, каким человеком был твой отец.

В августе 1999 года я совершил поступок, который нельзя оправдать любовью к сыну. Я решил, что имею право выбирать, кто будет рядом с тобой, что ты должен знать и какую цену обязан заплатить за своё счастье.

Я думал, что могу уберечь тебя от боли. На самом деле я уберегал себя от последствий собственных решений.

Когда ты узнаешь, что произошло в ночь гибели Андрея, не спеши искать убийцу. Сначала выясни, кто получил выгоду от его исчезновения.

И ещё. Если Лиля вернулась к тебе, значит, я не сумел окончательно разрушить вашу жизнь. Если же она умерла, то я прошу тебя об одном: не превращай её смерть в повод для мести.

Она заплатила за мою ошибку больше, чем кто-либо из нас.

Виктор».

Илья дочитал письмо и положил его на стол.

— Мой отец знал, что Лиля вернётся ко мне?

— Он надеялся на это.

— Но она не вернулась. Она умерла.

— Да.

— Значит, он ошибся.

— Он ошибался гораздо чаще, чем вы думаете.

Илья провёл ладонью по лицу. Он не плакал. Слёзы словно остались где-то далеко, в той жизни, где ещё можно было оплакивать отдельные потери. Теперь всё происходило одновременно: смерть Лили, возможная смерть Андрея, тайна отца, неизвестный человек в сгоревшей машине и фотография, на которой Илья не мог узнать собственное прошлое.

— Что случилось с Лилей в августе 1999 года? — спросил он. — Почему она ушла?

— Ваш отец пришёл к ней и сказал, что вы погибнете, если останетесь вместе.

— Это она мне рассказала перед смертью. Он утверждал, что наши отношения разрушат моё будущее.

— Он говорил больше. Он показывал ей документы. Утверждал, что у вас есть заболевание, которое проявится в определённом возрасте, что ваша жизнь зависит от соблюдения особых условий. Он даже предъявил заключение врача.

— Какого врача?

— Не знаю. Но заключение было поддельным.

Илья почувствовал, как холодеют пальцы.

— Вы хотите сказать, что отец использовал медицинскую ложь, чтобы заставить Лилю уйти?

— Он использовал всё, что могло сработать. Деньги, страх, чувство вины, обещания. Он знал, что Лиля любит вас, и именно поэтому сумел на неё повлиять. Если бы она была равнодушна, она бы просто послала его прочь.

— Но зачем? Зачем ему было разлучать нас?

Сергей долго молчал.

— Потому что ваш отец считал, что вы и Лиля вместе неизбежно узнаете правду об Андрее.

— И что такого страшного в этой правде?

— Она касалась не только Андрея. Она касалась вас.

Илья снова посмотрел на фотографию, сделанную якобы двадцать третьего августа 1999 года. Три человека стояли у старого городского корпуса: он, Лиля и Андрей. Сергей был виден на заднем плане. Но теперь Илья заметил деталь, которой прежде не придавал значения: на его запястье были часы, которые он приобрёл лишь несколько лет назад.

Он поднял фотографию ближе к лампе.

— Здесь не может быть тысяча девятьсот девяносто девятого года.

Сергей посмотрел на снимок.

— Почему?

— Часы. Я купил их в две тысячи двенадцатом. Я точно помню. Они были дорогими, и я долго откладывал на них деньги.

Сергей резко выпрямился.

— Покажите.

Илья протянул фотографию.

Сергей долго рассматривал её, затем перевернул и прочитал надпись на обороте.

— Значит, фотография сделана позже, — сказал он.

— Или дата подделана.

— Или оба варианта верны.

— Тогда почему вы утверждали, что она относится к августу 1999 года?

— Потому что так написано в папке.

— Вы сами сказали не доверять документам!

— И вы оказались правы. Но это ещё не означает, что всё остальное ложь.

Илья впервые заметил, что Сергей испугался. Не пытался скрыть раздражение, не отводил взгляд из осторожности, а именно испугался — как человек, который обнаружил в привычной картине мира трещину и понял, что за ней может скрываться бездна.

— Кто дал вам эту фотографию? — спросил Илья.

— Она лежала в кабинете Виктора.

— Когда вы её нашли?

— Три дня назад.

— Почему вы не позвонили мне сразу?

— Потому что хотел проверить её происхождение.

— И что выяснили?

— Что негатив был изготовлен значительно позже девяностых годов. Но лаборатория, которая занималась печатью, давно закрылась. Документы об уничтожении оборудования утеряны. Человек, который мог знать подробности, умер.

— Как его звали?

Сергей посмотрел Илье прямо в глаза.

— Павел Матвеевич.

Илья медленно откинулся на спинку стула.

Старый мастер из мастерской по ремонту аудиотехники. Человек, который рассказал ему о кассетах, голосе Андрея и загадочной записи с именем «Анна».

— Павел Матвеевич жив, — сказал Илья.

— Что?

— Я был у него сегодня. Он рассказал мне о кассетах. Он жив.

Сергей побледнел.

— Вы говорили с ним?

— Да. И теперь я понимаю, почему вы так испугались. Вы думали, что он мёртв, а значит, его невозможно спросить о фотографии.

— Нет, вы не понимаете…

— Тогда объясните!

Сергей закрыл глаза.

Когда он заговорил снова, голос его изменился. В нём больше не было прежней уверенности. Теперь говорил человек, который слишком долго носил в себе тайну и наконец понял, что больше не способен контролировать её последствия.

— Павел Матвеевич не должен был вам ничего рассказывать. Он дал слово вашему отцу.

— Он сказал, что ваш разговор с Виктором закончился ссорой.

— Потому что Виктор требовал от него уничтожить записи. Павел отказался. Он считал, что однажды вам понадобится услышать голос Андрея. И был прав.

— Что было на этих записях?

— Не только голос Андрея. Там были разговоры вашего отца с человеком, которого вы никогда не знали.

— С кем?

— С человеком, который официально умер двадцать седьмого августа 1999 года.

Илья замер.

— Вы хотите сказать, что тот человек из сгоревшей машины был не Андрей?

— Да.

— Тогда кто?

Сергей посмотрел на дверь, словно опасался, что за ней кто-то стоит.

— Я не знаю его настоящего имени.

— Но вы знали его лично?

— Да.

— И мой отец знал?

— Лучше, чем кто-либо из нас.

Илья медленно встал.

— Вы понимаете, что теперь я не остановлюсь?

— Понимаю.

— Я найду Павла Матвеевича. Прослушаю записи. Найду дело об аварии, документы экспертизы, всё, что осталось. Я выясню, кто погиб в той машине и что произошло с Андреем. А потом узнаю, почему Лиля всю жизнь несла на себе чужую вину.

— Илья…

— Нет. Теперь моя очередь говорить. Двадцать семь лет назад вы все решили, что имеете право распоряжаться моей жизнью. Мой отец решил, что может разлучить меня с любимой женщиной. Лиля решила, что должна пожертвовать собственным счастьем ради меня. Андрей исчез, и никто не счёл нужным сказать мне правду. Вы все называли это спасением. Но никто не спросил, хочу ли я быть спасённым такой ценой.

Сергей молчал.

— Я не знаю, что произошло в ту ночь. Не знаю, кто лгал, кто боялся, а кто пытался спасти другого. Но я знаю одно: Лиля умерла, так и не получив возможности прожить жизнь, которую хотела. И если в этой истории есть человек, виновный в её страданиях, я найду его.

— А если этим человеком окажетесь вы?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Илья не сразу ответил.

— Что вы сказали?

— А если выяснится, что вы сами приняли решение, которое разрушило её жизнь? Что именно вы попросили её уйти? Что вы забыли не потому, что кто-то стёр ваши воспоминания, а потому, что не смогли вынести того, что сделали?

Илья побледнел.

— Это невозможно.

— Вы уверены?

— Я помню, что любил её.

— Любовь не освобождает человека от ответственности за поступки.

Илья хотел ответить, но слова застряли в горле.

Он вдруг вспомнил одну странную деталь. Несколько лет назад, разбирая старые вещи матери, он нашёл в коробке выцветшую открытку. На ней было написано всего несколько слов:

«Я не могу простить тебя за то, что ты сделал с ней». Подписи не было. Илья тогда решил, что речь идёт о каком-то давнем семейном конфликте, и выбросил открытку.

Теперь он понял, что, возможно, совершил ошибку.

— Вы знаете, что я сделал? — спросил он.

Сергей покачал головой.

— Нет. Но ваш отец знал. И именно поэтому оставил письмо.

— Где оно?

— Вы держите его в руках.

Илья посмотрел на лист, который прочитал несколько минут назад. Внизу, под подписью Виктора, он заметил ещё одну строку. Она была написана другим почерком, более мелким и неровным. Возможно, её добавили позднее.

«Илья, если ты всё ещё считаешь себя невиновным, найди запись, сделанную в ночь на двадцать четвёртое августа. Прослушай её до конца. Только после этого решай, кого ты имеешь право судить».

Илья перечитал строку.

— Что это за запись?

— Я не знаю.

— Но вы знаете, где её искать?

Сергей помедлил.

— Возможно.

— Где?

— В доме вашей матери.

Илья резко поднял голову.

Его мать умерла десять лет назад. После её смерти он разобрал квартиру, оставил несколько семейных фотографий, документы и старую шкатулку, которую не решился открыть. Всё остальное было продано или передано родственникам. Он помнил каждый предмет, который забрал оттуда, но не помнил никакой записи.

— Почему вы думаете, что она там?

— Потому что именно туда ваш отец отвёз некоторые вещи после аварии. Он боялся хранить их у себя. Ваша мать ничего не знала о содержании коробки, но обещала не выбрасывать её.

— Где она сейчас?

— Если вы не выбросили старые вещи, то, возможно, у вас.

Илья почувствовал, как по спине пробежал холод.

Он вспомнил небольшую деревянную шкатулку, которую забрал из материнской квартиры. Она стояла в кладовой, среди старых книг и бумаг. Илья ни разу не открывал её после похорон матери. Ему казалось, что внутри лежат её личные вещи, письма, украшения — всё то, к чему он пока не был готов прикоснуться.

Он поднял пальто со спинки стула.

— Я должен идти.

— Уже поздно.

— Для меня поздно было двадцать семь лет назад.

Сергей не стал его удерживать. Он лишь протянул Илье фотографию с надписью Лили.

— Возьмите. И ещё кое-что. Не показывайте никому письмо Виктора. Особенно Ольге.

— Почему?

— Потому что Ольга не рассказала вам всего.

— Вы утверждали, что она была одной из тех, кто знал правду.

— Она знала часть правды. Но иногда человек, который скрывает тайну, сам не понимает, что является частью чужого плана.

— А вы понимаете?

Сергей горько улыбнулся.

— Если бы понимал, мы с вами не сидели бы сейчас в этом доме.

Илья направился к выходу. У самой двери он остановился.

— Сергей.

— Да?

— Когда вы в последний раз видели Лилю?

Сергей долго смотрел на него.

— Двадцать третьего августа 1999 года.

— Что она вам сказала?

— Она спросила, можно ли вернуть человека, если однажды сам помог ему исчезнуть.

Илья медленно повернулся.

— И что вы ответили?

— Я сказал, что некоторые люди исчезают не потому, что хотят уйти. А потому, что кто-то убеждает их: их присутствие причиняет вред тем, кого они любят.

— Она говорила об Андрее?

— Я думал, что об Андрее.

— А теперь?

Сергей опустил глаза.

— Теперь я боюсь, что она говорила о вас.

Илья ехал домой по почти пустым улицам. Дождь усилился, и дворники с трудом справлялись с потоком воды. Фонари расплывались в мокром стекле, встречные автомобили возникали из темноты и исчезали, оставляя после себя полосы света.

Он пытался сосредоточиться на дороге, но мысли возвращались к Лиле.

Двадцать семь лет он жил с уверенностью, что именно она ушла от него. Он не обвинял её вслух, не искал встреч, не пытался разрушить её жизнь. Он убеждал себя, что уважает её выбор, хотя втайне надеялся, что однажды она поймёт ошибку и вернётся.

Теперь выяснялось, что Лиля тоже ждала. Возможно, не его возвращения, а момента, когда сможет рассказать правду. Возможно, она боялась, что признание разрушит остатки его жизни. Возможно, она надеялась, что он никогда ничего не узнает.

Илья не знал, какая из этих версий была верной.

Но впервые после её смерти он почувствовал не только боль утраты. В нём возникла злость — не на Лилю, не на себя, а на всех тех, кто годами принимал решения за других, прикрываясь благими намерениями.

Он вспомнил их последнюю встречу в больнице.

Лиля лежала на подушке, слишком бледная, чтобы казаться живой. Её пальцы были холодными. Она пыталась улыбаться, но улыбка всякий раз исчезала, словно ей не хватало сил удержать даже выражение лица.

— Ты ведь иногда вспоминал меня? — спросила она тогда.

— Каждый день.

— Даже когда был счастлив?

Он хотел ответить, что не был по-настоящему счастлив ни одного дня без неё, но испугался, что эти слова причинят ей боль. Вместо этого сказал:

— Я научился жить.

Лиля закрыла глаза.

— Это не одно и то же, Илья.

Тогда он не понял, что она имела в виду. Теперь понял.

Можно построить дом, вырастить детей, добиться успеха, привыкнуть к одиночеству и даже научиться улыбаться. Можно убедить себя, что прошлое осталось позади. Но жизнь, которую человек прожил вместо той, о которой мечтал, не всегда становится его собственной.

Илья свернул во двор своего дома.

В подъезде пахло сыростью и старой краской. Лампочка на лестничной площадке мигала, и на мгновение ему показалось, что он снова мальчик, который возвращается домой поздно вечером и боится, что отец будет ждать его у двери.

Но Виктора давно не было в живых.

Илья открыл квартиру, включил свет и прошёл в кладовую.

Шкатулка стояла на нижней полке, за коробками с книгами. Небольшая, тёмная, с латунной застёжкой. Он забрал её после смерти матери, потому что помнил, как она иногда открывала крышку, когда думала, что никто не видит. Тогда она подолгу рассматривала что-то внутри, а потом закрывала шкатулку и убирала обратно.

Илья никогда не спрашивал, что там.

Он поставил шкатулку на стол.

Застёжка поддалась не сразу. Когда крышка открылась, изнутри пахнуло старой бумагой и сухой древесиной. Сверху лежали несколько фотографий, брошь матери, пожелтевшая открытка и маленький бархатный мешочек.

Под ними обнаружился чёрный аудиокассетный футляр.

На наклейке было написано: «24 августа 1999 года. Не слушать Илье».

Илья долго смотрел на эти слова.

Затем достал кассету и обнаружил под футляром ещё один лист бумаги. Это было короткое письмо, написанное матерью.

«Илюша.

Если ты когда-нибудь найдёшь эту запись, значит, я не смогла выполнить обещание, данное твоему отцу. Я надеялась, что ты проживёшь жизнь, не узнав того, что произошло в ту ночь. Возможно, я ошибалась. Возможно, молчание причинило тебе больше вреда, чем правда.

Я не знаю, простишь ли ты меня. Но я хочу, чтобы ты понял: я молчала не потому, что не любила тебя. Я молчала потому, что любила тебя слишком сильно и боялась потерять.

Есть вещи, которые мать не должна говорить своему сыну. Но есть и вещи, которые мать не имеет права скрывать.

Прости меня за то, что я так и не решилась выбрать между ними».

Подписи не было. Она не требовалась.

Илья узнал материнский почерк, её округлые буквы, длинные хвостики у некоторых слов, привычку ставить точку слишком близко к последней букве.

Он сел.

Сначала он хотел позвонить Сергею, но передумал. Потом подумал об Ольге, однако вспомнил предупреждение. Наконец решил, что должен прослушать запись один.

Старый кассетный проигрыватель хранился в шкафу. Илья достал его, подключил к розетке, протёр пыль и вставил кассету. Механизм загудел, лента зашуршала.

Несколько секунд слышались только помехи.

Затем раздался голос отца.

— Ты понимаешь, что будет, если он узнает?

Другой голос ответил почти шёпотом:

— Он имеет право знать.

— Нет. У него есть право жить.

— Жить с ложью — не то же самое, что жить.

Илья замер.

Второй голос принадлежал Лиле.

Он узнал бы его среди тысячи голосов. Даже спустя десятилетия, даже после болезни, даже после смерти. В записи она говорила молодо, уверенно, почти сердито.

— Ты не можешь решать за него, Виктор. Он не ребёнок.

— Он мой сын.

— Именно поэтому ты должен перестать разрушать его жизнь!

Раздался глухой звук, словно кто-то ударил ладонью по столу.

— Ты не понимаешь, что он сделал!

— Я понимаю больше, чем ты думаешь.

— Тогда скажи ему!

— Не могу.

— Почему?

После короткой паузы Лиля ответила:

— Потому что он попросил меня молчать.

Илья почувствовал, как кровь отливает от лица.

Он не мог понять, о ком она говорила. О нём? О его отце? Об Андрее?

На записи снова заговорил Виктор:

— Он не помнит.

— Это не значит, что он не знает.

— Он не должен вспомнить.

— Ты не можешь заставить человека забыть собственную жизнь.

— Я уже сделал это однажды.

В записи возникла пауза. Затем послышались шаги и голос неизвестного мужчины:

— Вы оба опоздали. Он уже здесь.

Кассета зашипела.

Илья подался вперёд, почти касаясь ухом динамика.

— Кто здесь? — спросила Лиля.

Мужчина ответил:

— Тот, кого вы похоронили вчера.

Илья резко отпрянул.

Лента продолжала вращаться. Послышался звук открывающейся двери, затем чьи-то быстрые шаги. После этого заговорил голос, который Илья не слышал двадцать семь лет, но узнал мгновенно.

Это был Андрей.

— Илья, если ты когда-нибудь услышишь эту запись, знай: я не предавал тебя. Я пытался спасти тебя, но совершил ошибку. И если Лиля всё ещё рядом с тобой, не позволяй ей платить за то, что сделал я.

Он замолчал, словно собирался с силами.

— Ты должен узнать главное. В ту ночь я не был тем, кто сел за руль. Я не был человеком, которого нашли в машине. И я не был тем, кто должен был умереть.

Послышался какой-то шум, будто кто-то приблизился к микрофону.

— Илья, — произнёс Андрей, и теперь в его голосе звучал настоящий страх. — Ты был там. Ты всё видел. И ты сам попросил нас никому не рассказывать.

Илья вскочил и нажал кнопку остановки.

В комнате воцарилась тишина.

Он стоял перед проигрывателем, не в силах пошевелиться.

«Ты был там. Ты всё видел».

Он повторял эти слова про себя, пытаясь найти в памяти хоть что-нибудь, что могло бы объяснить услышанное. Но вместо воспоминаний возникала пустота — не обычное забытое мгновение, а глухая стена, за которой будто продолжалась чужая жизнь.

Он помнил двадцать четвёртое августа 1999 года. Помнил, что утром поехал на работу, вечером встретился с отцом, а ночью вернулся домой. Помнил дождь, разговор по телефону, запах табака в подъезде.

Но он не помнил Андрея.

Не помнил Лилю.

Не помнил никакой аварии.

И всё же голос друга звучал так, будто тот стоял рядом и смотрел ему прямо в глаза.

Илья снова включил проигрыватель.

Лента зашуршала, и после нескольких секунд тишины послышался голос Лили. Теперь она говорила совсем тихо, почти беззвучно:

— Если он когда-нибудь узнает, скажи ему, что я не ушла потому, что перестала любить. Я ушла потому, что он сам попросил меня исчезнуть.

Илья почувствовал, как подкашиваются ноги.

Лиля продолжала:

— И если однажды он спросит, почему я не вернулась, не говори ему, что я была слабой. Я просто выполнила обещание, которое дала человеку, которого любила больше собственной жизни.

Послышался всхлип.

Потом голос Виктора:

— Ты должна поклясться, что никогда не расскажешь ему.

— Я уже поклялась.

— Даже если он будет умирать?

Лиля не ответила.

— Даже если ты сама будешь умирать? — повторил Виктор.

Долгая пауза.

— Даже тогда.

Кассета закончилась.

Илья медленно опустился на стул. В комнате было тихо, только дождь стучал по подоконнику. На столе лежали письмо матери, фотография Лили и старый футляр, который двадцать семь лет ждал своего часа.

Он думал, что всю жизнь любил женщину, которая однажды предпочла ему другого.

Но теперь выяснялось, что она могла уйти по его собственной просьбе.

Он думал, что его отец разрушил их любовь.

Но, возможно, отец лишь исполнял обещание, данное сыном.

Он думал, что Андрей погиб, потому что стал жертвой чужого преступления.

Но Андрей утверждал, что Илья сам был участником событий, которые привели к его исчезновению.

И самое страшное заключалось не в том, что Илья не помнил случившегося.

Самое страшное заключалось в том, что все эти люди, несмотря на свои ошибки и преступления, могли считать его виновным.

Телефон на столе завибрировал.

На экране высветился незнакомый номер.

Илья ответил.

— Алло.

Несколько секунд в трубке молчали.

Затем раздался мужской голос:

— Вы прослушали кассету?

Илья медленно выпрямился.

— Кто это?

— Неважно. Важно, что теперь вы знаете достаточно, чтобы совершить последнюю ошибку.

— Назовите своё имя.

— Вы знаете моё имя. Просто пока не помните.

— Что вам нужно?

— Чтобы вы перестали искать правду.

Илья посмотрел на фотографию Лили.

— Слишком поздно.

— Нет, Илья. Ещё не поздно. Вы можете закрыть эту шкатулку, уничтожить кассету и продолжить жить. Вы уже потеряли Лилю. Не заставляйте себя потерять всё остальное.

— Вы угрожаете мне?

— Я пытаюсь вас предупредить.

— О чём?

Мужчина тяжело вздохнул.

— О том, что Лиля умерла не от той болезни, которую указали в её медицинских документах.

Илья почувствовал, как холодеют руки.

— Что вы сказали?

— В её смерти есть обстоятельства, о которых вы не знаете. И если вы продолжите расследование, то узнаете, почему она молчала до последнего дня.

— Кто вы такой?

Голос стал едва слышным.

— Человек, который должен был умереть вместо вас.

Связь оборвалась.

Илья остался сидеть с телефоном в руке. За окном медленно светлело небо, но он не заметил наступления утра.

Он снова посмотрел на кассету.

На её наклейке было написано: «Не слушать Илье».

Но кто-то всё-таки оставил её там, где он мог найти.

Кто-то хотел, чтобы он услышал правду.

И кто-то другой только что сообщил ему, что Лиля могла умереть не случайно.

Илья поднялся, подошёл к окну и посмотрел на улицу. Внизу, у подъезда, стоял тёмный автомобиль. Фары были выключены, стёкла казались совершенно чёрными.

Он не знал, сколько времени машина находилась там.

Но когда Илья отступил от окна, автомобиль медленно тронулся с места.

На заднем стекле на мгновение отразился свет фонаря, и Илья увидел лицо человека, сидевшего на заднем сиденье.

Это лицо он знал.

Он видел его на старой фотографии.

Он слышал его голос на кассете.

И он был уверен, что этот человек умер двадцать семь лет назад.

Андрей Крылов смотрел прямо на его окно.

Затем автомобиль исчез за поворотом.

Илья не бросился за ним. Не позвонил Сергею. Не стал искать ключи.

Он просто стоял у окна, понимая, что за одну ночь его жизнь превратилась в расследование, в котором главный свидетель не помнил преступления, главный подозреваемый мог быть мёртвым, а единственный человек, способный объяснить, почему любовь всей его жизни ушла от него, лежал в земле.

Но теперь у Ильи появилась новая мысль.

Если Андрей действительно жив, значит, Лиля могла знать, где он находился все эти годы.

А если Андрей был рядом с ней, когда она умирала, значит, её последняя тайна была связана не только с прошлым.

Она была связана с настоящим.

И, возможно, с тем, что должно было произойти дальше.

Илья снова взял телефон и набрал номер Сергея.

Тот ответил почти сразу.

— Он звонил вам? — спросил Сергей без приветствия.

Илья замер.

— Кто?

— Человек, который должен был умереть вместо вас.

Илья медленно опустил телефон от уха, затем снова прижал его к щеке.

— Сергей, кто он?

На другом конце провода послышалось тяжёлое дыхание.

— Если я назову вам его настоящее имя, вы больше никогда не сможете жить так, как жили раньше.

— Я уже не могу.

— Тогда слушайте внимательно. Андрей Крылов действительно исчез в августе 1999 года. Но человек, который вернулся к Лиле много лет спустя, не был Андреем.

— Что?

— Он был человеком, которого вы знали гораздо лучше, чем вам казалось.

— Кем?

Сергей помолчал и произнёс:

— Вашим отцом.

Илья перестал дышать.

— Это невозможно. Мой отец умер в тысяча девятьсот девяносто девятом году.

— Именно это мы и должны были думать.

— Вы хотите сказать, что Виктор жив?

— Я хочу сказать, что тело, которое похоронили под его именем, тоже могло принадлежать другому человеку.

Илья закрыл глаза.

Впервые за всё время расследования ему захотелось, чтобы правда оказалась ложью.

Потому что если отец был жив, значит, все эти годы он не просто скрывал тайну.

Он наблюдал.

Он знал, что Лиля умирает.

Он знал, что Илья продолжает любить её.

И он позволил им обоим прожить жизнь, в которой каждый день был построен на лжи.

— Где он сейчас? — спросил Илья.

Сергей ответил не сразу.

— Я не знаю.

— Но вы знаете, кто знает.

— Да.

— Кто?

— Анна.

Илья посмотрел на фотографию, лежавшую на столе.

На обороте было написано: «Если ты читаешь это, значит, мы всё-таки не смогли уберечь тебя от того, кем ты был».

Теперь эти слова приобретали новый смысл.

Анна — дочь Лили — могла знать, кто на самом деле скрывался за именем Андрея Крылова. Она могла знать, почему её мать молчала. И, возможно, она была единственным человеком, которому Лиля доверила последнюю часть правды.

Илья набрал её номер.

Ответа не было.

Он позвонил снова.

На третий раз Анна подняла трубку.

— Илья? — спросила она сонным голосом. — Что случилось?

— Мне нужно задать тебе один вопрос.

— Сейчас? Что-то с мамой?

Илья закрыл глаза.

— Нет. С твоей мамой уже ничего нельзя сделать.

На другом конце провода стало тихо.

— Тогда что?

— Анна, ты знаешь, кто такой Андрей Крылов?

Он услышал, как она резко вдохнула.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Ответь мне.

— Мама запретила мне говорить о нём.

Илья сжал телефон.

— Когда?

— Перед смертью.

— Что именно она сказала?

Анна долго молчала. Когда она заговорила, голос её дрожал.

— Она сказала, что если ты когда-нибудь спросишь об Андрее, я должна передать тебе одну вещь.

— Какую?

— Она сказала, что ты не должен искать своего отца.

Илья почувствовал, как мир вокруг него словно остановился.

— Почему?

Анна заплакала.

— Потому что он всё ещё любит тебя, Илья. И потому что, если ты найдёшь его, он снова попытается спасти тебя.

— От чего?

Анна ответила почти шёпотом:

— От самого себя.

Илья хотел задать следующий вопрос, но услышал в трубке посторонний звук. Как будто кто-то открыл дверь в комнате Анны.

Она резко замолчала.

— Анна?

— Илья, — прошептала она. — Он здесь.

— Кто?

Вместо ответа раздался глухой удар.

Телефон упал на пол.

Илья услышал короткий вскрик, затем мужской голос, произнёсший всего одну фразу:

— Ты не должна была ему звонить.

Связь оборвалась.

Илья схватил ключи, выбежал из квартиры и бросился к машине.

Он ещё не знал, кто такой человек, которого все называли его отцом.

Не знал, почему Лиля любила его и одновременно боялась.

Не знал, кто погиб в той машине двадцать семь лет назад.

Но теперь он знал, что расследование перестало быть историей о прошлом.

Кто-то пытался остановить его прямо сейчас.

И если Анна действительно находилась в опасности, то у Ильи оставалось совсем немного времени, чтобы сделать то, чего он не сумел сделать двадцать семь лет назад.

Спасти человека, которого любил.

Даже если для этого ему придётся узнать, что именно он сам когда-то совершил.

ГЛАВА 6. ДОЧЬ ЖЕНЩИНЫ, КОТОРУЮ ОН НЕ СМОГ СПАСТИ

Илья нарушил три правила дорожного движения, едва не столкнулся с грузовиком и дважды проехал на красный свет. Он не замечал ни сигналов других водителей, ни дождя, который снова начался над городом. В голове звучал голос Анны: «Он здесь». А следом — глухой удар, после которого связь оборвалась.

Он не знал, кто находился в квартире девушки. Не знал, успел ли тот причинить ей вред. Не знал даже, почему Анна так испугалась, услышав его голос. Но Илья слишком хорошо помнил, как выглядит страх человека, который узнал нечто ужасное и понял, что уже не может сделать вид, будто ничего не произошло.

Таким было лицо Лили в последние минуты их разговора в больничной палате.

Тогда Илья принял её страх за боязнь смерти. Теперь он начинал подозревать, что Лиля боялась не конца собственной жизни, а того, что произойдёт после него.

К дому Анны он подъехал через двадцать минут. Это был старый пятиэтажный дом в тихом районе, где деревья почти закрывали окна первых этажей, а подъезды пахли мокрыми куртками, кошачьим кормом и чужими ужинами. Анна снимала здесь небольшую квартиру, когда приезжала к матери. После похорон она собиралась вернуться в Санкт-Петербург, где работала в архитектурном бюро.

Илья выбежал из машины и бросился к подъезду.

Дверь оказалась незапертой.

Он поднялся на третий этаж, перескакивая через ступеньки. Перед квартирой Анны стояла раскрытая сумка. Из неё высыпались документы, зарядное устройство и несколько фотографий. На одной из них была Лиля, стоявшая на берегу реки. Она смеялась, запрокинув голову, и выглядела так, будто в тот день не существовало ни болезней, ни страха, ни двадцати семи лет, которые впоследствии разделят её жизнь на две несовместимые половины.

Илья наклонился, поднял фотографию и вдруг заметил на обороте короткую надпись:

«Анне. Когда будешь готова узнать, кто был твоим отцом».

Он почувствовал, как сжалось сердце.

До этой минуты Илья не сомневался, что Анна — дочь Лили и Максима Белова, того самого мужчины, которого Лиля выбрала вместо него. Он видел их вместе на семейных фотографиях, знал, что Максим воспитывал девочку, помогал ей учиться, сопровождал на выпускной. После его смерти Лиля осталась одна, но никогда не говорила об их браке с горечью.

Илья всегда считал, что у Анны была обычная семья, пусть и не без потерь.

Теперь даже это могло оказаться ложью.

— Анна! — крикнул он, распахивая дверь.

В квартире горел свет. На кухне работал кран, а на полу у стола лежала опрокинутая чашка. Вода растекалась по плитке, смешиваясь с тёмными каплями, которые Илья сначала принял за чай.

Он остановился.

На полу была кровь.

— Анна!

Из комнаты донёсся слабый стон.

Илья бросился туда и увидел девушку возле дивана. Она сидела на полу, прижимая ладонь к виску. На лице была ссадина, волосы растрепались, а глаза смотрели на него с таким облегчением, что он едва удержался от того, чтобы не обнять её.

— Ты цела?

Анна кивнула, но тут же поморщилась от боли.

— Он ушёл, — прошептала она.

— Кто?

— Я не знаю.

— Ты видела его лицо?

— Да.

— Кто это был?

Она подняла на него глаза.

— Твой отец.

Илья замер.

Несколько секунд он не мог произнести ни слова. Потом присел рядом с ней и осторожно отвёл её руку от виска.

— Ты уверена?

— Я видела его фотографию. Мама хранила её в своей комнате. Я думала, что это кто-то из её знакомых. Но когда он вошёл, я сразу узнала лицо.

— Как он попал сюда?

— Я открыла дверь. Он сказал, что хочет поговорить о маме. Я решила, что это кто-то из больницы или знакомых семьи. Потом он назвал моё имя.

Анна закрыла глаза.

— Он сказал, что я слишком долго хранила то, что мне не принадлежит. Попросил отдать ему конверт, который мама оставила перед смертью. Я отказалась. Тогда он ударил меня.

Илья почувствовал, как внутри поднимается ярость.

— Какой конверт?

Анна указала на шкаф. Дверца была распахнута, одежда вывалена на пол, ящики выдвинуты. Кто-то тщательно обыскал квартиру, но действовал в спешке.

— Мама оставила его мне за несколько дней до смерти. Она сказала, что я должна открыть конверт только после её похорон и только в том случае, если ты начнёшь задавать вопросы об Андрее Крылове.

— Ты открыла его?

Анна кивнула.

— Да.

— Что там было?

— Документы. Фотография. И письмо.

— Где они?

— Он забрал письмо. Но фотографию я успела спрятать.

Она с трудом поднялась, подошла к дивану и достала из-под обивки небольшой конверт. Пальцы у неё дрожали.

— Я не хотела тебе ничего рассказывать, — призналась Анна. — Не потому, что не доверяла тебе. Просто мама просила меня никогда не вмешиваться в твою жизнь. Она говорила, что ты уже достаточно пострадал.

— Она не имела права решать за меня.

— Знаю. Но она была моей матерью. Я видела, как она боялась за тебя. Иногда по ночам она просыпалась, шла на кухню и долго сидела в темноте. Однажды я спросила, почему она плачет. Она ответила, что когда-то совершила ошибку, которую нельзя исправить, и теперь должна прожить всю жизнь с её последствиями.

Илья опустил голову.

Он слишком хорошо представлял Лилю в тёмной кухне. Сидящую за столом, обхватив ладонями чашку, которая давно остыла. Слушающую тишину квартиры, где никто не мог услышать её признание.

— Что она написала в письме? — спросил он.

— Я прочитала только первые строки. Там было сказано, что человек, которого я считала отцом, не был моим биологическим отцом.

Илья медленно поднял глаза.

— Максим Белов?

— Да.

— Тогда кто твой отец?

Анна протянула ему фотографию.

На снимке были Лиля и молодой мужчина, стоявшие возле железнодорожного вокзала. Лиля была совсем юной. На ней было светлое пальто, волосы развевались на ветру. Мужчина держал её за плечи и смотрел прямо в объектив.

Илья узнал его мгновенно.

Это был Андрей Крылов.

Но не тот Андрей, которого он помнил по университетским годам. На фотографии мужчина выглядел старше, чем должен был выглядеть в августе 1999 года, если верить официальной хронологии. На его лице были морщины, возле виска виднелся шрам, а взгляд казался тяжёлым и усталым.

На обороте стояла дата: 14 сентября 2002 года.

— Значит, он был жив, — прошептал Илья.

— Мама говорила, что Андрей исчез ещё до моего рождения. Но иногда она называла его по имени во сне. Я никогда не понимала, почему.

— Анна, сколько тебе лет?

— Двадцать четыре.

Илья быстро посчитал.

— Ты родилась в 2002 году.

— В ноябре.

Он снова посмотрел на фотографию.

Если снимок был подлинным, Андрей не только пережил аварию 1999 года, но и встречался с Лилей спустя три года. И если Анна действительно была его дочерью, то вся история её рождения была связана с человеком, которого Илья считал погибшим.

Но почему Лиля не сказала ему об этом?

Почему согласилась выйти замуж за Максима Белова?

И почему её дочь только теперь узнала, кем был её настоящий отец?

— Ты когда-нибудь встречалась с Андреем? — спросил Илья.

— Нет. По крайней мере, я не знала, что встречалась. Когда мне было лет семь или восемь, к нам домой приходил мужчина. Он приносил маме книги и иногда разговаривал со мной. Мама представляла его как старого друга семьи. Я помню, что он называл меня маленькой Анной и всегда спрашивал, хорошо ли я учусь.

— Ты помнишь его лицо?

Анна покачала головой.

— Смутно. Но я помню шрам возле виска.

Илья посмотрел на фотографию.

— Это был он.

— Наверное.

— Почему ты не рассказала мне раньше?

Анна резко повернулась к нему.

— А почему ты сам никогда не спрашивал о моей семье? Ты ведь знал, что Максим воспитывал меня. Знал, что мама вышла за него замуж. Ты приходил к нам на праздники, поздравлял меня с днём рождения, приносил подарки. Но ты никогда не спрашивал, почему

мама иногда плачет, когда слышит определённые песни. Почему она не любила старые фотографии. Почему каждый год двадцать четвёртого августа закрывала дверь своей комнаты и никого не впускала.

Илья не ответил.

— Ты тоже предпочитал не знать, — сказала Анна. — Ты любил маму, но боялся узнать, почему она ушла. А она любила тебя и боялась рассказать, почему не могла вернуться. Вы оба годами жили так, словно молчание способно отменить прошлое.

Эти слова ударили сильнее любого обвинения.

Илья отвернулся. Он хотел возразить, сказать, что не имел права вмешиваться в чужую семью, что уважал выбор Лили, что не хотел причинять ей боль. Но все оправдания вдруг показались ему жалкими.

Он действительно предпочитал не знать.

Потому что правда могла оказаться хуже отказа.

Потому что иногда легче годами любить человека на расстоянии, чем однажды услышать от него слова, которые окончательно уничтожат надежду.

— Прости, — тихо сказал он.

Анна посмотрела на него с удивлением.

— За что?

— За то, что я не был рядом. За то, что не спросил. За то, что позволил твоей матери нести всё это одной.

Анна отвернулась, и Илья заметил, что она снова плачет.

— Она очень тебя любила, — прошептала девушка. — Даже когда говорила, что больше не может думать о тебе. Даже когда пыталась убедить себя, что прожила хорошую жизнь. Она никогда не называла тебя чужим. Иногда мне казалось, что в её сердце есть комната, куда никто не может войти. И там всегда находился ты.

Илья закрыл лицо руками.

Он не плакал на похоронах Лили. Не плакал, когда услышал её последнее признание. Не плакал, когда узнал о возможной лжи отца. Он держался, потому что считал, что должен быть сильным хотя бы теперь, когда ничего уже нельзя изменить.

Но слова Анны разрушили эту защиту.

Он заплакал тихо, почти беззвучно, как плачут взрослые люди, которым стыдно за собственную беспомощность. Он плакал не только по Лиле. Он плакал по тем годам, которые они потеряли. По письмам, которых не написали. По встречам, на которые не решились. По простым словам, которые могли бы произнести, если бы хоть один из них нашёл в себе мужество перестать бояться.

Анна села рядом и положила ладонь ему на плечо.

— Она хотела, чтобы ты был счастлив.

— Я знаю.

— Нет, Илья. Ты не знаешь. Она хотела, чтобы ты был счастлив даже без неё. И поэтому никогда не позволяла себе просить тебя вернуться.

— А сама была счастлива?

Анна не ответила.

Илья понял ответ и без слов.

Через сорок минут в квартире появились сотрудники полиции и бригада скорой помощи. Анне обработали рану и рекомендовали обследование, но серьёзных повреждений не обнаружили. Она отказалась ехать в больницу и настояла, что хочет остаться дома.

Илья дал показания о телефонном разговоре и нападении. Он описал мужчину со слов Анны, сообщил о похищенном письме и передал фотографию Андрея для приобщения к материалам проверки.

Однако, когда сотрудник полиции спросил, почему он считает фотографию важной, Илья замолчал.

Как объяснить незнакомому человеку, что на снимке изображён мужчина, официально погибший двадцать семь лет назад? Как рассказать о кассетах, поддельных документах и свидетельстве о браке, которое могло быть изготовлено человеком, давно умершим?

Он ограничился тем, что фотография может иметь отношение к исчезновению человека в августе 1999 года.

Полицейский записал его слова, пообещал проверить сведения и предупредил, что расследование может занять время.

Илья не стал спорить.

Он уже понял: время было именно тем, чего у них не осталось.

Когда сотрудники ушли, Анна закрыла дверь на два замка и задёрнула шторы. Потом принесла из комнаты небольшой блокнот в тёмно-синей обложке.

— Это тоже оставила мама, — сказала она. — Я нашла его после похорон. Он лежал в коробке с документами, но я не успела прочитать всё. Там много страниц, и некоторые записи сделаны так, словно она обращалась к человеку, которого я никогда не знала.

Илья взял блокнот.

Почерк Лили был неровным, местами почти неразборчивым. Первые страницы содержали обычные записи: даты, телефонные номера, названия лекарств. Затем начинались короткие заметки, сделанные в разные годы.

«Август 1999 года. Виктор снова приходил. Сказал, что Илья не должен помнить ту ночь. Я спросила, что произойдёт, если он вспомнит. Виктор ответил, что тогда погибнут ещё люди».

Следующая запись была сделана через несколько месяцев.

«Я больше не верю Виктору. Он говорит, что спас Илью, но не объясняет, от чего. Андрей утверждает, что всё было иначе. Я не знаю, кому верить. Иногда мне кажется, что они оба говорят правду, но каждый скрывает самое важное».

Илья перевернул страницу.

«Март 2001 года. Сегодня я снова видела его. Он выглядит старше, чем должен. У него шрам возле виска, и он больше не улыбается так, как раньше. Он спросил, помнит ли Илья ту ночь. Я ответила, что не знаю. На самом деле я боюсь, что Илья помнит всё, но притворяется, будто забыл».

Ещё одна запись:

«Сентябрь 2002 года. Андрей пришёл к нам. Я не должна была его впускать. Но когда он встал у двери, я поняла, что не смогу прогнать его. Он сказал, что хочет увидеть дочь. Я спросила, имеет ли он на это право. Он ответил: „Нет. Но я всё равно её отец“».

Илья медленно опустил блокнот.

— Значит, Андрей действительно был отцом Анны.

Девушка кивнула.

— Похоже на то.

— А Максим знал?

— Не знаю. Но он никогда не говорил о своём бесплодии, хотя мама однажды обмолвилась, что врачи не могли объяснить, почему у них не было детей. Она сказала, что они решили усыновить ребёнка. Я всегда думала, что речь шла обо мне.

Илья снова посмотрел на блокнот.

— Возможно, Максим согласился воспитывать тебя, зная правду. Возможно, он любил Лилю настолько, что принял её прошлое. Или ему сказали другую версию событий. Мы не можем делать выводы, пока не найдём документы.

— А если он знал и всё равно согласился?

— Тогда он был лучше нас всех.

Анна долго смотрела на фотографию.

— Я не знаю, хочу ли считать Андрея своим отцом. Я никогда не знала его по-настоящему. Для меня отцом был Максим. Он учил меня кататься на велосипеде, помогал с уроками, встречал после школы. Когда я болела, он сидел рядом всю ночь. Он не знал, что я не его дочь, или делал вид, что не знает. Но именно он был рядом.

— Тогда никто не может отнять у тебя эту правду, — сказал Илья. — Кем бы ни был Андрей, он не отменяет того, что сделал для тебя Максим.

Анна кивнула, но в её глазах оставалась растерянность.

— А ты? — спросила она. — Ты хочешь узнать, кто на самом деле твой отец?

Илья посмотрел на блокнот.

— Я хочу узнать, кто я сам.

Он произнёс эти слова и впервые понял, что именно они означают.

Ему было уже за пятьдесят. Он построил карьеру, занимался проектированием, создавал здания, которые должны были простоять десятилетия. Он привык рассчитывать нагрузки, проверять основания, искать слабые места в конструкциях. Он знал, что дом нельзя считать надёжным, если фундамент скрывает трещину.

Но собственную жизнь он строил на чужих словах.

Теперь ему предстояло проверить каждый из этих камней.

В конце блокнота обнаружилась запись, датированная за три месяца до смерти Лили.

«Я больше не могу молчать. Илья должен узнать правду, даже если возненавидит меня. Я не имею права уходить, оставив ему только вопросы. Но если я расскажу всё, он может попытаться найти Виктора. А если он найдёт Виктора, повторится то, что произошло в 1999 году.

Я не боюсь за себя. Я боюсь за него.

Сегодня Анна спросила, любила ли я когда-нибудь другого мужчину так, как любила Илью. Я ответила, что нет. Она спросила, почему тогда я не была с ним. Я не смогла ответить.

Потому что иногда любовь превращается в обещание, которое человек выполняет даже тогда, когда оно уничтожает его самого.

Но есть ещё одна причина, о которой я не рассказала никому.

В ту ночь Илья попросил меня уйти. Он сказал, что если я останусь, Андрей погибнет.

Я не знаю, откуда он это знал. Я не знаю, почему он был уверен, что Андрей умрёт. Но я слышала его голос. Я видела его глаза. И я поверила.

Я ушла не потому, что не любила его.

Я ушла, потому что он сам попросил меня спасти человека, которого считал своим другом».

Илья дочитал запись и почувствовал, что больше не способен сидеть.

Он встал и прошёлся по комнате.

— Этого не может быть, — произнёс он.

Анна ничего не сказала.

— Я бы помнил такой разговор. Я не мог попросить Лилю уйти ради Андрея и потом забыть об этом.

— Но ты же сам говорил, что не помнишь ту ночь.

— Я помню многое!

— Значит, не всё.

Илья остановился.

Она была права.

Он помнил свою жизнь как последовательность событий, связанных между собой причинно-следственными отношениями. Но теперь выяснялось, что некоторые промежутки в этой последовательности были не просто забыты. Они были заполнены объяснениями, которые кто-то другой придумал за него.

Он вспомнил, как отец после гибели Андрея несколько раз спрашивал, не снилась ли ему авария. Тогда Илья удивлялся. Он никогда не видел самой аварии, не знал, как именно погиб друг, и не мог представить её в деталях. Отец объяснял, что травмирующие события иногда возвращаются во сне, и советовал не придавать этому значения.

Теперь Илья понимал: возможно, отец проверял, не начинают ли возвращаться воспоминания.

— Анна, — сказал он, — твоя мать записала, что я попросил её уйти, чтобы спасти Андрея. Но почему тогда отец заставлял её молчать? Если я сам принял решение, зачем было столько лет скрывать правду?

Анна задумалась.

— Может быть, потому что ты не знал, что именно просил. Или потому, что отец хотел, чтобы ты считал это своим решением.

— Это разные вещи.

— Да. Но пока мы не знаем, какая из них верна.

Илья посмотрел на последнюю страницу.

Внизу, почти у самого края листа, стояла короткая фраза:

«Если Илья всё-таки вспомнит, пусть не ищет Андрея. Пусть найдёт человека, который был рядом с ним в момент, когда всё началось».

Под фразой стояло имя.

Ольга

Илья позвонил Ольге Соколовой в половине седьмого утра.

Она ответила после пятого гудка. Голос звучал сонно, но, услышав его имя, она сразу проснулась.

— Что случилось?

— Мне нужно увидеть тебя.

— Сейчас?

— Да.

— Илья, ты понимаешь, который час?

— Понимаю. Поэтому и звоню. Я не хочу, чтобы кто-нибудь услышал наш разговор.

На другом конце провода стало тихо.

— Ты нашёл кассету, — сказала Ольга.

Илья не ожидал, что она сама назовёт её.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Виктор оставил её твоей матери. И потому что я много лет боялась, что ты однажды её найдёшь.

— Значит, ты знала о записи.

— Да.

— Ты знала, что Андрей жив?

— Да.

— Ты знала, что Лиля была его дочерью… то есть что Анна была его дочерью?

— Да.

Илья сжал телефон так сильно, что заболели пальцы.

— Есть хоть что-нибудь, чего ты не знала?

— Да, — тихо ответила Ольга. — Я не знала, что Виктор всё-таки решится на это.

— На что?

— На то, чтобы вернуться.

— Ты тоже считаешь, что мой отец жив?

— Я не считаю. Я знаю.

Илья закрыл глаза.

— Где он?

— Не могу сказать по телефону.

— Тогда назови место встречи.

Ольга помолчала.

— Старый вокзал. В полдень. Там, где Лиля впервые увидела Андрея после его исчезновения.

— Ты будешь одна?

— Да.

— Если я обнаружу, что ты снова лжёшь…

— Ты не обязан мне угрожать, Илья. Я и без того всю жизнь жила с тем, что сделала.

— Что ты сделала?

Ольга тяжело вздохнула.

— Я помогла твоему отцу убедить Лилю, что ты её больше не любишь.

— Это я уже знаю.

— Нет. Ты знаешь только часть. Я не просто передала ей ложь. Я показала ей письмо, написанное твоей рукой.

Илья почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Какое письмо?

— Письмо, в котором ты просил Лилю никогда больше не возвращаться.

— Я не писал такого письма.

— Теперь я это знаю.

— Ты подделала мой почерк?

— Нет. Письмо было настоящим.

Илья молчал.

— Ты написал его двадцать третьего августа 1999 года, — продолжила Ольга. — А на следующий день попросил меня никому не показывать его. Ты сказал, что если Лиля узнает, что ты передумал, она вернётся и погибнет.

Илья почувствовал, как по телу пробежала дрожь.

— Я ничего этого не помню.

— Я знаю.

— Ольга, что произошло в ту ночь?

Она ответила не сразу.

— Я расскажу тебе всё, что знаю. Но ты должен быть готов к тому, что правда не вернёт тебе Лилю. Она не исправит прошлое. И, возможно, ты не сможешь простить себя.

— Я не прошу тебя избавить меня от вины.

— Пока просишь. Просто ещё не понимаешь этого.

— В полдень, — сказал Илья и завершил звонок.

Анна стояла у окна и слушала разговор. Когда он положил телефон, она спросила:

— Ты поедешь один?

— Нет.

— Тогда я поеду с тобой.

— Нет, Анна. Ты уже достаточно пострадала.

— Это моя мать, Илья. И мой отец. Я имею право знать правду не меньше тебя.

Он хотел возразить, но понял, что не может.

Всю жизнь другие люди решали за них, что им следует знать, кого любить и какую цену платить за чужие ошибки. Если он снова попытается оградить Анну от правды, то повторит ту же ошибку, которую совершали его отец и Лиля.

— Хорошо, — сказал он. — Но если станет опасно, ты сразу уйдёшь.

Анна впервые за утро улыбнулась.

— Ты всегда так говоришь?

— Как?

— Будто можно заранее договориться с опасностью.

Илья невольно улыбнулся в ответ. На мгновение ему показалось, что он видит Лилю — не больную женщину на больничной койке, а ту молодую девушку, которая когда-то смеялась над его чрезмерной серьёзностью.

И эта улыбка причинила ему новую боль.

Потому что теперь он понимал: в Анне действительно было что-то от Лили. Не только черты лица или интонации. В ней была та же решимость идти навстречу правде, даже если правда обещала только страдание.

Старый вокзал давно перестал быть главным железнодорожным узлом города. Поезда здесь останавливались редко, часть помещений была закрыта, а в бывшем зале ожидания теперь располагался небольшой магазин. Но часы под крышей продолжали идти, и на платформе сохранилась скамья, на которой когда-то сидели Илья и Лиля.

Они приехали за двадцать минут до назначенного времени.

Илья сразу узнал скамью. Она была перекрашена, доски заменены, но место оставалось прежним. Он вспомнил один осенний вечер, когда Лиля опоздала на сорок минут, а он ждал её под дождём. Когда она наконец появилась, он хотел сказать, что больше никогда не будет ждать её так долго.

Но она улыбнулась, взяла его за руку и сказала:

— Если ты любишь человека, иногда сорок минут — это ничто.

Тогда он ответил:

— А если сорок лет?

Лиля рассмеялась.

— Тогда это уже глупость.

Илья сел на скамью.

Он ждал её двадцать семь лет.

И теперь впервые понял, что ожидание не всегда является доказательством любви. Иногда оно становится способом не признавать, что жизнь продолжается. Иногда человек держится за прошлое не потому, что не может отпустить любимого, а потому, что боится узнать, кем станет без него.

— Ты опять думаешь о маме? — спросила Анна.

— Да.

— Она говорила, что ты однажды спросил её, сколько времени нужно человеку, чтобы забыть любовь.

— И что она ответила?

— Что забыть можно многое. Но если любовь была настоящей, человек не забывает её. Он просто перестаёт требовать от неё ответа.

Илья посмотрел на часы.

Было без пяти двенадцать.

У входа появилась Ольга.

Она шла медленно, держа в руке небольшую кожаную сумку. На ней было тёмное пальто, волосы собраны на затылке. Увидев Илью, она остановилась, словно не была уверена, что имеет право подойти.

Илья поднялся.

— Ты пришла.

— Я обещала.

— В прошлый раз ты тоже обещала рассказать правду.

Ольга посмотрела на Анну.

— Значит, ты уже знаешь о ней.

— Я знаю, что моя мать всю жизнь скрывала от меня имя моего настоящего отца, — ответила Анна. — И что ты была частью этого.

Ольга опустила голову.

— Да.

— Почему?

— Потому что тогда я думала, что поступаю правильно. Я любила Илью и верила, что Лиля разрушит его жизнь. Виктор убедил меня, что если они останутся вместе, случится трагедия. Я была молодой, глупой и настолько влюблённой, что готова была поверить в любую ложь, если она давала мне шанс быть рядом с человеком, который никогда не любил меня так, как я любила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.